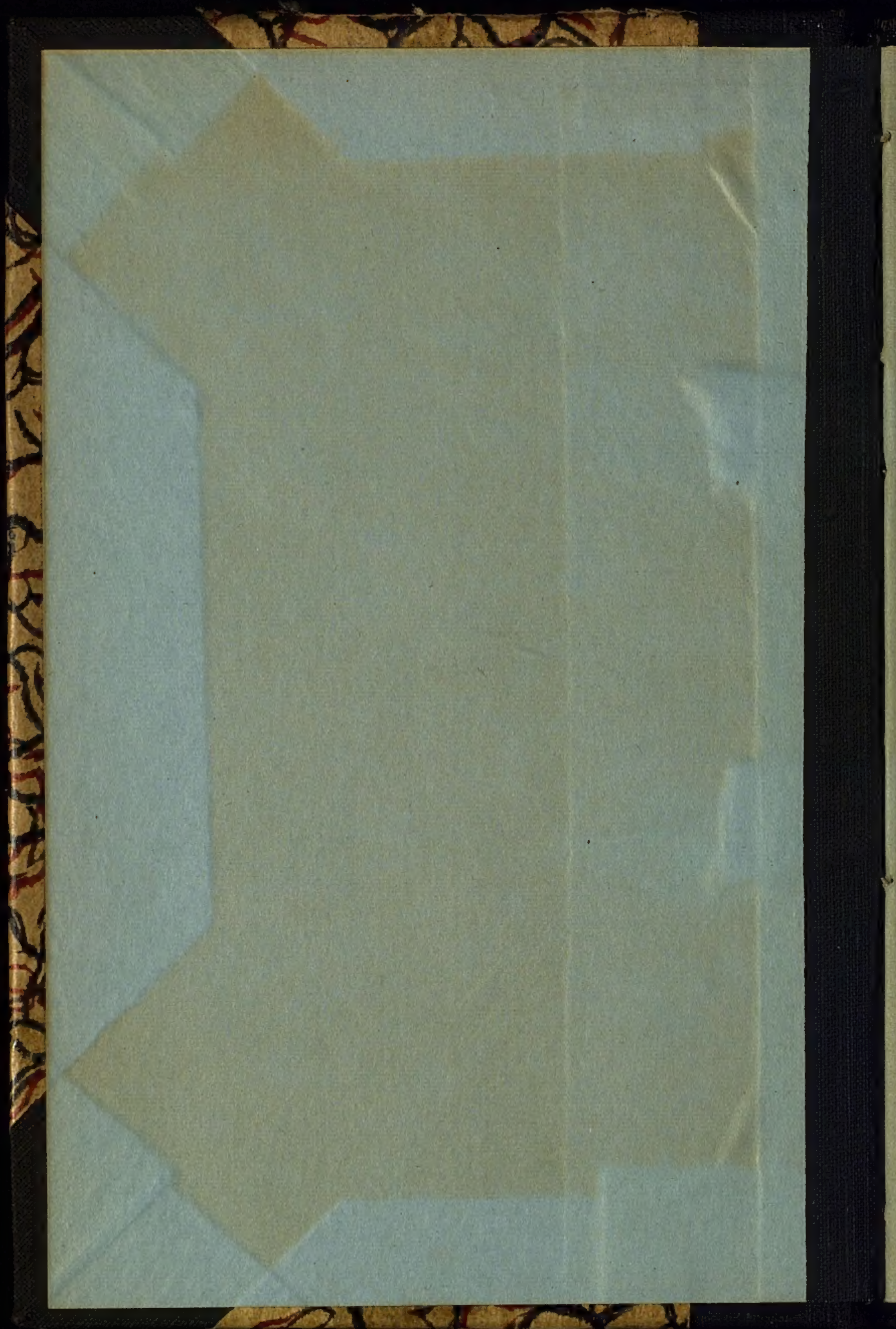
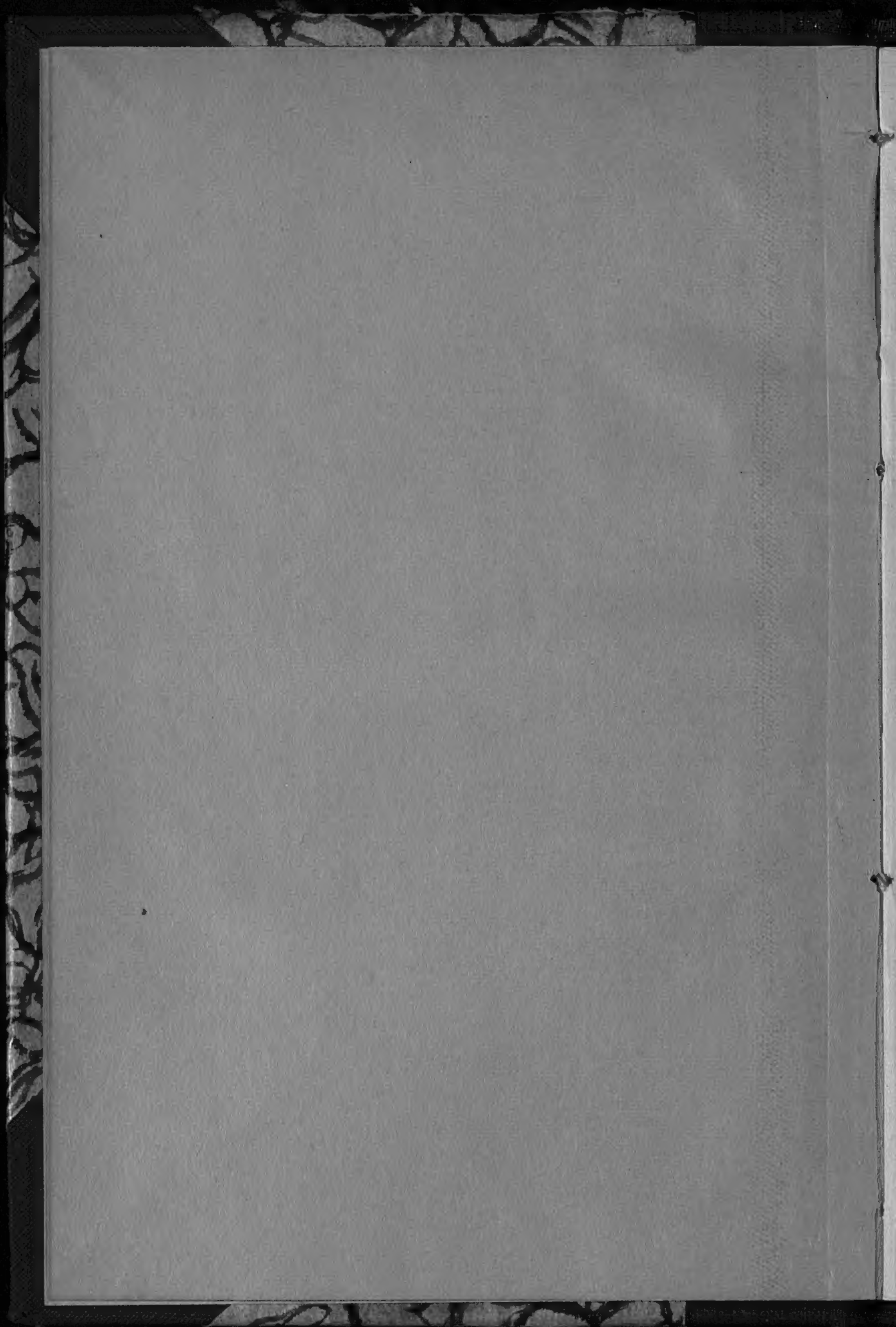
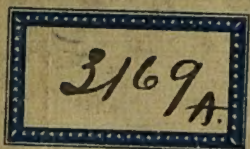

Pierre KROPOTKINE

(*Paroles d'un Révolté*)

РАСПАДЕНІЕ СОВРЕМЕННАГО СТРОЯ

П. КРОПОТКИНА

1893

ЖЕНЕВА

Новая Русская Типографія

Книга, Paroles d'un Révolté, составилась изъ статей, появившихся въ Révolté въ 1879-1883 годахъ, и она была издана Элизе Реклю, пока я сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Клерво. Издать ее въ русскомъ переводѣ всегда было моею задушевною мечтою, но выполнить эту мечту долго не удавалось. Нѣсколько русскихъ товарищей нашли наконецъ возможнымъ напечатать хотя первый выпускъ этой книги, и мы выпускаемъ теперь первыя шесть главъ. Пересматривая переводъ, я передѣлалъ нѣкоторыя мѣста и, имѣя въ виду русскихъ читателей, привелъ кое-гдѣ примѣры изъ русской жизни. Заглавіе книги, трудно-переводимое на русскій языкъ, мы передѣлали въ „Распаденіе Современнаго Строя".

П. Кропоткинъ

Лондонъ
Іюль 1896

КЪ ТОВАРИЩАМЪ АНАРХИСТАМЪ

Отъ Издателей

Товарищи по убѣжденіямъ! года три-четыре тому назадъ нѣсколько анархистовъ задумали издавать рядъ брошюръ подъ общимъ заглавіемъ „Анархической Библіотеки“. Но мы не располагали капиталами и сами въ добавокъ принуждены были думать о хлѣбѣ насущномъ, и вотъ почему наше предпріятіе остановилось въ самомъ началѣ. Тѣмъ не менѣе, причины побудившія насъ на это дѣло, остались тѣ же; желаніе посильно служить нашимъ идеямъ все такъ же живо и мы думаемъ, хотя бы въ меньшихъ размѣрахъ, возобновить прежнюю попытку.

Товарищи - единомышленники, отъ васъ зависитъ поддержать наше предпріятіе, развить его въ прочное и широкое дѣло. Какъ бы сравнительно малочисленны ни были мы, анархисты русскаго нарѣчія, мы все таки, сплотивъ наши усилія, можемъ многое сдѣлать. Не числомъ сторонниковъ измѣряется сила извѣстнаго ученія, а его правотой и жизненностью, — его способностью двигать людей на пропаганду, на дѣло. Въ этомъ нѣтъ недостатка среди анархистовъ! Въ то время какъ революціонный духъ вымираетъ въ старыхъ политическихъ партіяхъ западной Европы, личная иниціатива и дѣятельность самостоятельныхъ, независимыхъ группъ поддерживаютъ то широкое анархическое движеніе, размѣры котораго только близорукіе не видятъ, потому что оно не разыгрывается на помосткахъ парламентовъ, а все глубже и глубже просачивается въ народныя массы.

Товарищи, пора внести и въ то противу-государственное броженіе умовъ, которое теперь происходитъ въ Россіи, сознательныя анархическія убѣжденія. Пора воспринять традиціи, завѣщанныя намъ народниками семидесятыхъ годовъ, — не затѣмъ, чтобы

слѣпо подражать имъ, но чтобы, пользуясь уроками пройденнаго развитія, идти дальше ихъ, если не въ недосягаемомъ величіи ихъ самоотверженія, то по крайней мѣрѣ въ болѣе опредѣленномъ выраженіи идей.

Около двадцати лѣтъ тому назадъ въ русскомъ революціонномъ движеніи поднятъ былъ вопросъ о государственномъ началѣ и о вытекающей изъ его признанія или отрицанія тактики борьбы. Въ Россіи, какъ и въ Интернаціоналѣ, противники и сторонники государственнаго начала распались на два лагеря : на анархистовъ-народниковъ, видѣвшихъ въ самомъ народѣ ту силу, которая одна можетъ освободить народъ отъ вѣковаго гнета и перестроить русскую жизнь на началахъ свободы и равенства, и на демократовъ, вѣрившихъ въ возможность освобожденія при помощи представительнаго правленія, или захвата власти революціонерами.

Выдѣлившаяся изъ общаго движенія Народная Воля повела свою, героическую борьбу. Но даже это геройское движеніе доказало, что пока революціонная партія не будетъ опираться на широкое движеніе въ самомъ русскомъ народѣ, она не сможетъ достигнуть не только экономическаго освобожденія Россіи, но даже и освобожденія ея изъ-подъ гнета устарѣлыхъ политическихъ учрежденій.

Наступила реакція 80-хъ годовъ. Революціонное движеніе притихло, какъ бы собираясь съ новыми силами. Но реакція и затишье въ Россіи не могутъ длиться вѣчно ; и теперь уже видны ясные признаки пробужденія ; снова начинается прежняя пропаганда среди народа.

Въ эту пропаганду необходимо внести сознательное отношеніе къ цѣлямъ и стремленіямъ, вѣрное пониманіе того, чего мы хотимъ добиваться въ Россіи. Необходимо ознакомить русскихъ дѣятелей съ тѣмъ глубокимъ, противу-государственнымъ теченіемъ, которое все болѣе и болѣе охватываетъ западно-европейское соціалистическое движеніе. Безъ яснаго пониманія задачъ, уже поставленныхъ передъ западно-европейскимъ соціализмомъ, невоз-

можно правильно отнестись къ задачамъ русскаго народнаго освобожденія.

Эту задачу мы постараемся выполнить по мѣрѣ возможности.

Товарищи, призывая васъ къ содѣйствію въ предполагаемыхъ изданіяхъ, мы считаемъ нужнымъ сказать два слова о ближайшихъ нашихъ видахъ.

Даже предоставленные исключительно своимъ силамъ, мы не откажемся отъ своего проэкта и только поведемъ дѣло въ очень скромныхъ размѣрахъ. Если же найдется нѣкоторая матеріальная и литературная поддержка съ вашей стороны, то мы имѣемъ въ виду болѣе широкую пропаганду нашихъ идей и даже считаемъ возможнымъ основаніе небольшаго періодическаго органа. На сотрудничество нѣкоторыхъ товарищей мы уже и теперь можемъ расчитывать.

Всѣхъ сочувствующихъ и желающихъ принять то или другое участіе въ этомъ дѣлѣ просимъ обращаться по слѣдующему адрессу:

E. Held, rue du Cendrier, 15, Genève, (Suisse).

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ

Старый міръ быстрыми шагами приближается къ всемірной революціи, т. е., къ такому сотрясенію, которое, вспыхнувши въ одной странѣ, быстро распространится, какъ въ 1848 году, на всѣ сосѣднія страны, и, разрушая самыя основы теперешняго строя, дастъ новый источникъ жизни одряхлѣвшему міру.

Чтобы подтвердить нашу мысль, мы могли бы указать на ученые труды по философіи исторіи и сослаться, хотя бы на извѣстнаго нѣмецкаго историка Гервинуса*), или на итальянскаго мыслителя Феррари**), которые, оба, изучивши исторію нашего времени, приходили къ заключенію что Европа необходимо должна пережить большую революцію въ концѣ нашего вѣка. Но къ чему это? Намъ достаточно просто оглядѣться вокругъ себя, — вникнуть въ то что мы сами пережили за послѣдніе четверть вѣка. И мы увидимъ что два главныхъ факта выдаются на сѣроватомъ, темномъ фонѣ общей картины современной

---

*) „Введеніе къ исторіи девятнадцатаго вѣка“.
**) „Основы Государства“.

жизни: съ одной стороны, пробужденіе народовъ; а съ другой — полная несостоятельность правящихъ классовъ: нравственная, умственная и экономическая; ихъ безнадежныя, предсмертныя усилія помѣшать народному пробужденію. Въ этомъ сущность всей современной исторіи.

Въ душной мастерской, въ мрачномъ кабачкѣ, въ свѣтелкѣ рабочаго на чердакѣ и въ темныхъ подземныхъ ходахъ рудника — вездѣ идетъ пробужденіе народныхъ массъ, вездѣ вырабатывается новый міръ. Въ этихъ темныхъ массахъ крестьянскаго и рабочаго люда, которыхъ богатые люди одинаково презираютъ и боятся, но изъ которыхъ всегда выходилъ толчокъ, вдохновлявшій всѣ великія преобразованія — въ этихъ темныхъ массахъ идетъ теперь горячее обсужденіе великихъ вопросовъ общественнаго хозяйства и политическаго строя. Всѣ вопросы, поставленные жизнью передъ образованнымъ міромъ, обсуждаются, пересуживаются среди рабочаго люда, и на всѣ эти вопросы онъ находитъ свои отвѣты, новые и вѣрные, согласные съ чувствомъ народной справедливости. Въ своихъ темныхъ лачугахъ и углахъ, люди безвѣстные и простые, не владѣющіе наукою но богатые опытомъ, смѣло разсѣкаютъ язвы современнаго общества. Новыя стремленія и надежды возникаютъ среди нихъ, вырабатываются новыя понятія.

Безконечное разнообразіе можно подмѣтить въ этомъ народномъ обсужденіи великихъ вопросовъ, завѣщанныхъ нашему поколѣнію. Ихъ выраженія — часто неточны, вопросы — часто поставлены неправильно, рѣшенія — разнорѣчивы. Но среди этого безконечнаго разнообразія мнѣній, двѣ мысли начинаютъ выдвигаться все яснѣе и яснѣе: во-первыхъ, необходимость уничтоженія личной собственности, или, вѣрнѣе, личнаго захвата земли и орудій труда, и, слѣдовательно, коммунизмъ; и во-вторыхъ, уничтоженіе всесильнаго государства, чтобы дать развиться свободной общинѣ, свободному договору и свободному

объединенію рабочихъ всего міра. Два пути, одинаково ведущихъ къ общей цѣли: Равенству; но конечно не къ тому равенству, которое среднимъ сословіемъ написано на его знаменахъ, церквахъ и даже тюрьмахъ, чтобы лучше ослѣпить рабочаго, и, тѣмъ временемъ, закрѣпостить его, — а къ истинному равенству, которое обезпечитъ всѣмъ и каждому право на землю, на трудъ и на орудія труда.

И сколько бы ни старались правящіе классы заглушить эти стремленія — ихъ усилія пропадаютъ безплодно. Они сажаютъ по тюрьмамъ апостоловъ новаго міра, жгутъ и истребляютъ ихъ писанія; они замучиваютъ ихъ преслѣдованіями, а идея все-таки ростетъ, проникаетъ въ умы, завладѣваетъ сердцами, подобно тому какъ въ былыя времена, мечта о вольныхъ земляхъ на Востокѣ овладѣвала рабами, когда они бѣжали записываться въ ряды крестоносцевъ.

По временамъ, идея, повидимому, дремлетъ. Когда ей мѣшаютъ пробиться наружу, она сочится подъ землею; но и это длится недолго: скоро она снова выступаетъ на свѣтъ, сильнѣе и бодрѣе чѣмъ прежде. Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, на соціализмъ во Франціи — на его второе пробужденіе въ этотъ короткій періодъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Волна, одно время, казалось, упала, разбилась, исчезла; но вотъ она снова подымается, выше, могучѣе и глубже. Такъ будетъ и въ Россіи. Казалось бы, идея соціализма совсѣмъ заглохла у насъ въ настоящую минуту. Но не бойтесь за нее: скоро, очень скоро, она опять заблеснетъ пышнымъ расцвѣтомъ, выйдетъ изъ своего временнаго сна и предстанетъ снова, вѣрнѣе, шире, могучѣе, чѣмъ была раньше. Государственный соціализмъ замѣнится анархическимъ, мирный соціализмъ станетъ революціоннымъ.

И, какъ только гдѣ-нибудь въ Европѣ или въ Америкѣ, будетъ сдѣлана первая попытка осуществить въ жизни соціалистическую мысль, — подобныя же попытки будутъ сдѣланы повсемѣстно, и соціализмъ станетъ главнымъ, все - поглощающимъ вопросомъ дня. Пусть только

соціалистамъ удастся провести въ жизнь свои мысли, хоть въ какомъ-нибудь городкѣ земнаго шара, хоть на минуту, —и сознаніе своей силы немедленно дастъ пробужденнымъ народамъ неодолимую, богатырскую силу.

Эта минута недалека. Все приближаетъ ее: и нищета, заставляющая бѣдняка одуматься; и безработица, дающая рабочему возможность оторваться отъ узкой обстановки своей мастерской, выйти на свѣтъ и оглядѣться на чудеса и безобразія богатой жизни; и, наконецъ, само безсиліе правящихъ классовъ сдѣлать что бы то ни было для уменьшенія народной нищеты и народныхъ страданій.

Безсиліе правящихъ классовъ становится все поразительнѣе и очевиднѣе. Въ то время, какъ естественныя науки возраждаются теперь, также какъ онѣ возраждались въ прошломъ вѣкѣ наканунѣ великой французской революціи; въ то время какъ смѣлые изслѣдователи каждый день открываютъ человѣку новыя средства для борьбы съ силами природы — что дѣлаютъ буржуазныя общественныя науки? Онѣ либо молчатъ, либо пережевываютъ по прежнему свои старыя, изношенныя теоріи.

Въ области повседневной, практической жизни — тотъ же застой. По прежнему, наши правители толкуютъ намъ объ узкомъ себялюбіи, какъ главной основѣ жизни, о борьбѣ каждаго человѣка противъ всѣхъ, и каждаго народа противъ всѣхъ остальныхъ, въ то время какъ жизнь народовъ идетъ въ совершенно другомъ направленіи. Попрежнему они проповѣдуютъ единеніе власти, сосредоточеніе власти, усиленіе власти въ рукахъ всесильнаго государства, тогда какъ жизнь все громче и громче требуетъ полной свободы личности. На всѣ требованія народа они знаютъ одинъ отвѣтъ: „ждите и надѣйтесь!“

Они давно забыли всѣ руководящія начала и — то бросаются въ самое отчаянное преслѣдованіе всѣхъ вольно-мыслящихъ людей, слѣпо подчиняясь самому безграничному своеволію верховной власти, и умоляя ее поддержать расшатанныя основы стараго строя; то снова

берутся сами „ расшатывать основы “, надѣваютъ на себя личину свободы и ломаютъ старое ; а черезъ нѣсколько лѣтъ они опять преклоняются передъ верховною властью, рабски умоляя ее чтобы она усмирила расходившіяся народныя волны. Въ промышленности, они бросаются, сегодня — въ свободную торговлю а завтра — въ самое свирѣпое запрещеніе всякой свободной торговли. Отъ самого подлаго ханжества они переходятъ къ безбожію и изъ безбожія обратно впадаютъ въ ханжество.

Вѣчно боясь, вѣчно дрожа за свое богатство, вѣчно оглядываясь назадъ и не смѣя взглянуть впередъ, они оказываются рѣшительно неспособными внести въ народную жизнь что бы то ни было прочное и полезное. Если они и соглашаются на какую нибудь уступку, то въ это самое время они уже думаютъ о томъ, какъ бы обратить уступку въ ничто, какъ бы уберечь себѣ возможность, немного погодя опять вернуться къ старинѣ. Взгляните на крѣпостное право. Давно-ли наши образованные люди громили его ? Давно-ли они распинались на всѣхъ перекресткахъ за права мужика ? — Нынче они славятъ Александра третьяго за то что онъ усердно старается вернуть крестьянина въ крѣпость къ оголтѣлому барину.

И тоже самое въ конституціонной Англіи, во Французской республиканской монархіи, въ федеративной республикѣ Соединенныхъ Штатовъ. Много жалкихъ словъ объ участи „ меньшаго брата “, а потомъ — штыки и картечь, и самый отчаянный поворотъ назадъ, какъ только меньшой братъ начнетъ пробуждаться и попытается разорвать свои цѣпи.

Они обѣщались, эти управители, что обезпечатъ народу свободу труда — и, вмѣсто того, обратили рабочаго въ раба мастерской, фабрики, хозяина и нарядчика. Они обѣщались такъ упорядочить промышленность чтобы всѣмъ стало лучше, — и, вмѣсто того, они народили неслыханную нищету, обезземелили крестьянъ, раз-

зорили цѣлые милліоны ремесленниковъ и бросили промышленность въ непрерывно-слѣдующія другъ за другомъ коммерческія потрясенія. Они обѣщали дать народу образованіе — и распорядились такъ что мальчику и дѣвочкѣ нѣкогда учиться, такъ какъ съ десяти лѣтъ рабочій ребенокъ долженъ прирабатывать себѣ на жизнь. Они обѣщали политическую свободу — и вмѣсто того, влачатъ Европу отъ одной реакціи къ другой. Они обѣщали миръ — и, вмѣсто мира, дали войну, — войну постоянную, которой и конца не видно. Они обманули насъ во всѣхъ своихъ обѣщаніяхъ.

Но народъ не можетъ долѣе выносить такого положенія. Онъ спрашиваетъ себя, — Что же могутъ намъ дать эти управители изъ высшаго сословія? — И вотъ что онъ видитъ.

Промышленные кризисы, т. е. временный застой промышленности, который прежде случался изрѣдка, теперь сталъ постоянною болѣзнью Европы. За застоемъ въ желѣзной промышленности идетъ застой въ ткацкомъ дѣлѣ, за нимъ — въ часовомъ, за нимъ — въ корабельномъ, и такъ далѣе безъ конца.

Въ настоящую минуту, въ Западной Европѣ насчитывается не менѣе шести-семи милліоновъ рабочихъ безъ работы. Десятки тысячъ людей ходятъ изъ города въ городъ, пробиваясь милостынею и выпрашивая себѣ работы. Въ италіянскихъ городахъ народъ возстаетъ съ крикомъ: либо работы, либо хлѣба! Подобно тому, какъ въ 1787 году, за два года до большой революціи, французскіе крестьяне бродили толпами по дорогамъ, не находя нигдѣ клочка земли, на которомъ имъ позволили бы ростить хлѣбъ, — такъ точно и теперь фабричные рабочіе скитаются изъ города въ городъ, не находя нигдѣ мѣста, гдѣ бы имъ позволили поработать и прокормиться.

Цѣлыя крупныя отрасли промышленности заброшены. Цѣлые большіе города по временамъ пустѣютъ. Такъ Шефильдъ пустѣлъ въ 1879 году, такъ полсотни большихъ

желѣзныхъ заводовъ средней Англiи стоятъ за послѣднiе восемь лѣтъ безъ работы; такъ большiе города Шотландiи, прежде жившiе сахарнымъ или джутовымъ производствомъ, нынѣ доведены до разоренiя. Въ 1886 году, цѣлыя сотни тысячъ рабочихъ оставались безъ работы въ Лондонѣ, и цѣлый день съ улицы роскошной столицы неслись надрывающiе-душу стоны „милосердной“, которою толпы голодныхъ рабочихъ вымаливали кусокъ хлѣба подъ окнами у другихъ такихъ же бѣдняковъ: въ богатые кварталы ихъ и не пускали.

Нищета въ Англiи — особенно въ Англiи, гдѣ такъ называемые „экономисты“ имѣли возможность прилагать на широкую ногу свои ученiя; голодъ въ Альзасѣ; голодъ въ Испанiи, въ Италiи. Безработица вездѣ, а съ безработицею — нужда и часто нищета; блѣдныя, изнуренныя дѣти; жены, состарѣвшiяся на пять лѣтъ за одну зиму; и болѣзни, широкими размахами косящiя въ рядахъ рабочаго люда. Вотъ до чего довели они насъ, эти правители, взявшiе на себя устройство промышленности! *)

И они еще смѣютъ объяснять это ужасное положенiе дѣлъ избыткомъ производства! Избытокъ производства — когда въ странѣ угольныхъ копей, Англiи, среди горъ угля нагроможденныхъ вокругъ заводовъ, цѣлые миллiоны народа не могутъ затопить печи среди холодной зимы! Когда ткачъ, который за годъ наткетъ цѣлыя версты ситца, вынужденъ водить своихъ дѣтей въ лохмотьяхъ? Когда каменьщикъ, строющiй дворцы, самъ живетъ въ вонючемъ углѣ, а швея, наряжающая куколъ въ волшебныя платья, вынуждена въ трескучiй морозъ покрываться дырявымъ платкомъ?

*) Эти строки были написаны въ 1879 году, и онѣ оставались вѣрны вплоть до 1887 года. Цѣлыхъ восемь лѣтъ длился этотъ ужасный кризисъ. Теперь, дѣла стоятъ немного лучше. Голодающихъ стало меньше. Но, надолго-ли? — До слѣдующаго провала какого-нибудь зарвавшагося банка!

И это называютъ они благоустройствомъ хозяйственнаго быта страны? Скорѣе можно было бы подумать что богачи просто вступили въ стачку чтобы голодомъ довести рабочаго до рабской покорности!

Однимъ словомъ, хозяйственный строй Европы доведенъ до полнѣйшей безурядицы.

Но эта безурядица не можетъ длиться долѣе. Народу опостылѣло переживать эти кризисы, вызванные жадностью и тупоуміемъ хозяевъ. Народъ готовъ работать; но не для того чтобы терпѣть нужду и голодъ, въ перемежку съ короткими промежутками сравнительно-меньшей нищеты. Ему опостылѣло вѣчно жить въ нищетѣ, когда онъ чувствуетъ и видитъ, какія онъ создаетъ богатства.

И вотъ рабочіе западной Европы начинаютъ понимать полнѣйшую неспособность — не только государства, не только королей и парламентовъ, но всѣхъ правящихъ, богатыхъ и образованныхъ сословій вообще. Они видятъ ихъ неспособность понять народныя нужды, ихъ неспособность управлять промышленностью, ихъ неспособность обезпечить рабочему благосостояніе, въ уплату за его тяжелый трудъ.

И они начинаютъ требовать полнаго низверженія этого правящаго средняго сословія; они стремятся сами захватить въ свои руки свои собственныя дѣла, какъ только къ тому представится удобная минута.

И эта минута быстро приближается. Безурядица въ промышленности и повсемѣстное разложеніе государствъ, дѣлаютъ скорое ея наступленіе неизбѣжнымъ.

РАЗЛОЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВЪ

Если въ хозяйственномъ строѣ Европы мы видимъ полную неурядицу промышленности и торговли, и банкротство производства, то въ политическомъ строѣ мы имѣемъ полнѣйшее разложеніе государствъ и ихъ неизбѣжное банкротство въ близкомъ будущемъ.

Перебирая всѣ государства, начиная съ жандармскаго самодержавія въ Россіи до правленія богатыхъ купцовъ и промышленниковъ въ Америкѣ, мы не находимъ ни одного, которое не шло-бы быстрыми шагами къ разложенію и, слѣдовательно, къ революціи. Какъ одряхлѣвшіе старцы, разъѣдаемые внутренними болѣзнями и неспособные приспособиться къ новымъ теченіямъ мысли, они растрачиваютъ свои послѣднія силы въ борьбѣ съ молодою жизнью, пробивающейся вокругъ нихъ они живутъ въ счетъ будущаго, и сами ускоряютъ свое разложеніе, постоянно ссорясь между собою.

Всѣхъ ихъ гложетъ одна болѣзнь: болѣзнь старчества.

Дѣйствительно, Государство, — т. е. такое политическое устройство, при которомъ всѣ дѣла всего общества передаются въ руки немногихъ — будетъ-ли то царь и его совѣтчики, или парламентъ, или республиканское правительство, — такая форма политическаго устройства уже отживаетъ свой вѣкъ. Человѣчество уже ищетъ новыхъ формъ политической жизни, новыхъ началъ политической организаціи, болѣе согласныхъ съ современными воззрѣніями на права личности и на равенство въ обществѣ.

Достигши высшей точки развитія въ восемьнадцатомъ вѣкѣ, государственная власть находится въ періодѣ упадка: ей никогда болѣе не вернуть своего прошлаго могущества. Народы западной Европы, особенно латинскіе народы, во Франціи, Испаніи и Италіи, а также въ значительной мѣрѣ и англо-саксонцы, уже стремятся сбросить съ себя эту власть, мѣшающую ихъ свободному развитію. Имъ нужна независимость и полная свобода областей, городовъ, рабочихъ союзовъ, сплоченныхъ между собою, не государственною властью, не правительствомъ, требующимъ отъ нихъ повиновенія, а свободнымъ договоромъ, возникающимъ изъ взаимныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя добровольно. Власть немногихъ надъ всѣми — выборная или захваченная — уже отжили свое время.

Таковъ историческій фазисъ въ который мы вступаемъ теперь, и ничто не помѣшаетъ этимъ новымъ потребностямъ найти свое осуществленіе въ жизни.

Если бы правящіе классы могли понять это положеніе дѣлъ, они конечно пошли бы на встрѣчу новымъ стремленіямъ. Но, состарившись въ преданіяхъ прошлаго, не уважая ничего кромѣ туго-набитаго кошеля и не понимая ничего кромѣ власти, держащей народъ въ полномъ повиновеніи, — они всѣми силами мѣшаютъ новому теченію мысли пробиться наружу. Роковымъ образомъ, они дѣлаютъ внезапный взрывъ и насильственный переворотъ неизбѣжными. Новыя стремленія человѣчества найдутъ

себѣ исходъ — но при грохотѣ пушекъ и при заревѣ пожаровъ.

———

Когда государственная власть стала выростать среди разлагавшихся средневѣковыхъ учрежденій Европы и усиливалась понемногу, гдѣ — завоеваніями, гдѣ — хитростью и убійствомъ*), она захватывала лишь немногія изъ взаимныхъ отношеній гражданъ. Но теперь, государство вмѣшивается во всѣ проявленія нашей жизни. Отъ колыбели до могилы оно держитъ и давитъ насъ въ своихъ рукахъ. То въ видѣ верховной власти, то въ видѣ земскаго, городскаго или общиннаго правительства, оно преслѣдуетъ насъ на каждомъ шагу, и мы встрѣчаемъ его на каждомъ перекресткѣ. Оно тѣснитъ насъ; оно налагаетъ на насъ налоги, подати, повинности, обязательства, и т. п., и на каждомъ шагу надоѣдаетъ намъ своимъ безтолковымъ вмѣшательствомъ.

Въ школѣ, оно приказываетъ учить насъ тѣмъ, или другимъ образомъ, и упорно задавливаетъ всякую попытку перестроить образованіе на новыхъ началахъ. Въ юности оно занумеровываетъ насъ, закабаляетъ въ солдатчину и до сѣдыхъ волосъ держитъ каждаго мущину подъ угрозою внезапнаго призыва на войну, до которой громаднѣйшему большинству гражданъ нѣтъ никакого дѣла, и каждую женщину — подъ страхомъ бойни, на которую погонятъ ея сыновей, братьевъ и мужа. Оно поощряетъ однѣ отрасли промышленности и раззоряетъ другія. Въ угоду богачамъ, оно обязываетъ насъ ѣздить и возить товары по такимъ-то линіямъ, а не по другимъ. И такъ — во всемъ, куда бы мы ни обратились.

*) Костомаровъ превосходно разсказалъ развитіе государственной власти въ Россіи, въ своемъ очеркѣ развитія самодержавія. Этотъ очеркъ помѣщенъ въ его „Монографіяхъ", но его стоитъ также прочесть въ первой редакціи, въ статьѣ, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы".

На все, рѣшительно все что бы мы ни дѣлали, у него есть свои законы. И его законы и приказы накопляются каждый день съ такою быстротою, что самый ловкій адвокатъ не можетъ въ нихъ разобраться. Каждый день создаются новыя канцеляріи, новыя учрежденія, какъ-нибудь подлаженныя къ старымъ, на живую нитку починеннымъ колесамъ государственной машины; и изъ всего этого создается такая неуклюжая, такая сложная, такая зловредная машина, что даже тѣ, на комъ лежитъ обязанность приводить ее въ дѣйствіе, возмущаются ея безобразіемъ.

Государство создаетъ цѣлыя арміи чиновниковъ—этихъ паукообразныхъ обитателей затхлыхъ канцелярій, которые весь міръ знаютъ лишь сквозь свои запыленныя стекла да по грудамъ безсмысленныхъ бумагъ, написанныхъ безсмысленнымъ языкомъ. Такимъ образомъ создается цѣлая масса людей, знающая лишь однаго бога — жалованье и наградныя, — живущая одною лишь заботою: какъ-бы примазаться къ какой нибудь партіи: черныхъ или бѣлыхъ, синихъ или желтыхъ, лишь бы эта партія давала имъ наилучшее жалованье за наименьшее количество труда.

Что получается изъ всего этого — извѣстно всѣмъ и каждому. Существуетъ ли хоть одна отрасль дѣятельности государства — будь-ли то въ Персіи, или въ Россіи, или въ Соединенныхъ Штатахъ, которая глубоко не возмущала бы каждаго, кому приходится имѣть съ ней дѣло? Есть ли хоть одна отрасль, — школа, судебное устройство, военное дѣло и т. д. — въ которой государство, послѣ цѣлыхъ вѣковъ передѣлокъ, не оказалось бы вполнѣ несостоятельнымъ?

Громадныя и вѣчно-ростущія суммы денегъ, которыя взыскиваются государствомъ съ народа, всегда оказываются недостаточными. Всѣ государства, безъ исключенія, живутъ насчетъ будущихъ поколѣній. Всѣ они входятъ въ долги, всѣ они идутъ къ раззоренію.

Долги Европейскихъ государствъ уже достигли колос-

сальной, невѣроятной цифры болѣе сорока милліардовъ, сорока тысячъ милліоновъ рублей! Если бы всѣ доходы всѣхъ государствъ употреблять на уплату этого долга, его нельзя было бы выплатить въ пятнадцать лѣтъ. Но, вмѣсто того чтобы уменьшаться, эти долги ростутъ каждый годъ; каждый годъ они увеличиваются въ громадныхъ размѣрахъ, новыми долгами правительствъ, новыми долгами областными, городскими и общинными. Такъ оно и быть должно: оно въ силѣ вещей. Всякое государство, какова бы ни была его кличка, неизбѣжно стремится постоянно расширить свои отправленія; каждый чиновникъ, каждый парламентъ, каждая дума роковымъ образомъ стремятся распространить свою власть, прихватить что-нибудь новое подъ свое начало. Каждая политическая партія, получающая власть, вынуждена создавать новыя должности и новыхъ чиновниковъ, чтобы удовлетворить своихъ сторонниковъ.

Поэтому, задолженность государствъ вѣчно ростетъ, даже въ мирное время. Но, начнись война, и немедленно государственные долги ростутъ въ невѣроятныхъ размѣрахъ. Конца нѣтъ этимъ долгамъ, и не выйти государствамъ изъ этого заколдованнаго круга: онъ созданъ необходимостью, онъ вытекаетъ изъ самой сущности государственной идеи.*)

Поэтому, всѣ государства идутъ на полныхъ парахъ къ банкротству; и не далекъ тотъ день, когда возставшіе народы не захотятъ болѣе платить каждый годъ около

---

*) Соединенные Штаты, повидимому, составляютъ исключеніе. Но надо помнить что до сихъ поръ ихъ земли представляли невѣроятно богатое поприще наживы. Теперь всѣ земельные запасы Соединенныхъ Штатовъ уже расхищены всевозможными аферистами, не хуже-чѣмъ въ Оренбургскомъ краѣ при Крыжановскомъ, и въ Республикѣ уже начинается стремленіе къ расширенію государственной власти и къ созиданію новыхъ должностей для охотниковъ до казеннаго жалованья.

полутора мильярда (полторы тысячи мильоновъ рублей) банкирамъ и всякимъ хищникамъ : они провозгласятъ банкротство государствъ и предложатъ банкирамъ копать землю и работать молотомъ, наравнѣ со всѣми, если имъ желательно жить на свѣтѣ.

„Государство“ и „война“ — два неразлучныхъ понятія. Всякое государство, роковымъ образомъ, стремится усилиться на счетъ своихъ сосѣдей ; иначе, оно станетъ относительно ихъ въ подчиненное положеніе. Оно должно стараться ослабить сосѣдей, обѣднить ихъ, чтобы потомъ приказывать имъ, навязывать имъ свою политику, свои союзы, свои торговые трактаты, свои пошлины, и наживаться на ихъ счетъ. Такъ какъ борьба за преобладаніе составляетъ сущность буржуазнаго хозяйственнаго строя, она неизбѣжно должна быть сущностью и политической жизни государствъ. Вотъ почему войны стали обычнымъ явленіемъ въ Европѣ. Прусско-датская война, прусско-австрійская, прусско-французская, русско-турецкая война слѣдуютъ другъ за другомъ съ короткими перерывами, не говоря о войнахъ въ Египтѣ, Афганистанѣ, средней Африкѣ и т. д., которыми англійское государство стремится обезпечить свои владѣнія въ Индіи и свои новые захваты. Много новыхъ войнъ еще имѣется въ виду. Франція, Германія, Австрія, Италія, Англія. Россія, даже Данія и Швеція, готовы напустить другъ на друга свои безчисленныя войска, и начать дѣло взаимнаго истребленія. Причинъ войны накопилось въ Европѣ на цѣлыя тридцать лѣтъ впередъ.

Но всякая война ведетъ за собою безработицу, остановку производства, торговые кризисы, усиленіе налоговъ, увеличеніе государственныхъ и областныхъ долговъ. Мало того. Каждая война становится нравственнымъ пораженіемъ государства, потому что послѣ каждой войны народъ замѣчаетъ что государство оказалось никуда не годнымъ, даже въ томъ что считается главною его обязанностью :

если на него нападаютъ, оно не умѣетъ защитить свою землю; даже въ случаѣ побѣды, оно теряетъ въ уваженіи своихъ гражданъ. Вспомнимъ только броженіе умовъ, начавшееся послѣ войны 1871 года, одинаково во Франціи и въ Германіи, не смотря на временное увлеченіе нѣмцевъ военщиною; вспомнимъ недовольство въ Россіи послѣ войны 1877 года.

Войны и вооруженія добиваютъ государства; онѣ ускоряютъ ихъ нравственную и экономическую несостоятельность. Еще двѣ-три большихъ войны, и онѣ нанесутъ послѣдній ударъ этимъ, уже разлагающимся механизмамъ.

———

Рядомъ съ внѣшней войной идетъ внутренняя война.

Народы подчинились государственной власти подъ условіемъ, что она будетъ защитою всѣмъ и, въ особенности, защитою слабаго противъ сильнаго. Но вмѣсто того, государство стало теперь оплотомъ богатыхъ противъ бѣдныхъ, имущихъ — противъ всѣхъ неимущихъ.

Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, служитъ этотъ громадный механизмъ, называемый государствомъ? Мѣшаетъ-ли оно помѣщику закабалять крестьянина, фабриканту — закабалять рабочаго? Обезпечиваетъ-ли оно всѣмъ и каждому возможность работать и кормиться своимъ трудомъ? Защищаетъ-ли оно насъ отъ міроѣда и ростовщика? Даетъ ли оно пищу голодному? Кормитъ-ли оно крестьянку, которой ребенокъ умираетъ съ голода, теребя изсохшую, изсякшую грудь своей матери?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! — Государство — это покровитель крѣпостнаго права, покровитель міроѣдства, заступникъ хищничества, защитникъ собственности, основанной на захватѣ чужой земли и чужаго труда! Тому, у кого ничего нѣтъ кромѣ рукъ да готовности работать, тому нечего ждать отъ государства. Для него оно — просто сила, ставшая поперегъ его освобожденію.

Все — для богатаго бездѣльника! все — противъ

трудящагося бездомнаго работника! Образованіе, чтобы съ дѣтства испортить ребенка, вселяя ему всевозможные предразсудки и набивая ему голову понятіями о первенствѣ, о повиновеніи сильному, о парабощеніи слабаго; Церковь, дающая свое благословеніе всѣмъ подлѣйшимъ проявленіямъ насилія; Законъ, мѣшающій развитію взаимной поддержки и равенства; богатство, чтобы угнетать народъ и, при случаѣ, подкупать даже тѣхъ кто хотѣлъ бы потрудиться для его освобожденія; тюрьма и пули — тѣмъ кого деньгами не подкупишь. Вотъ сущность государства!

Долго-ли оно такъ будетъ? Можетъ ли это продолжаться?

Очевидно, нѣтъ. Цѣлая половина человѣчества — та, которая все производитъ трудомъ своихъ рукъ, не можетъ вѣки-вѣчные поддерживать такой строй, который для того только и выработанъ чтобы держать эту половину человѣчества въ повиновеніи. Вездѣ простой народъ начинаетъ бунтоваться противъ этого насилія: подъ Россійскимъ самодержавіемъ, подъ Англійской конституціей, подъ буржуазной республикой Франціи и Соединенныхъ Штатовъ. Вся исторія нашего времени есть не что иное какъ исторія борьбы простаго народа противъ привилегированныхъ классовъ, поддерживаемыхъ Государствомъ. Эта борьба ведется повсюду, какова-бы ни была форма правленія, и она составляетъ главную заботу всѣхъ правительствъ. Ею обуславливаются всѣ ихъ дѣянія. Не принципы, не соображенія о народномъ благѣ руководятъ теперь правительствами, когда они издаютъ тотъ или другой законъ, принимаютъ ту или другую мѣру. Ими руководитъ одно соображеніе: сохранить силу привилегированныхъ классовъ, удержать ихъ могущество, не смотря на напоръ снизу.

Одна эта борьба уже способна была бы разрушить самое сильное политическое устройство. Но когда эта

борьба идетъ среди государствъ, уже расшатанныхъ, уже идущихъ къ паденію въ силу самихъ историческихъ условій ихъ развитія; когда эти государства, къ тому же, сами несутся къ разоренію и взаимно разоряютъ другъ друга; когда, наконецъ, всемогущее государство начинаетъ претить даже тѣмъ самимъ привилегированнымъ классамъ, которыхъ оно охраняетъ — когда столько различныхъ причинъ совмѣстно ведутъ къ одному и тому же послѣдствію, тогда въ исходѣ не можетъ быть сомнѣнія. Главная сила въ народѣ, а народъ, достигая сознанія, неизбѣжно одолѣваетъ то что давитъ его. Окончательное разложеніе государственнаго строя составляетъ лишь вопросъ времени, и мыслитель уже можетъ видѣть приближеніе такой великой революціи, которая разрушитъ современныя государства, въ корень подточитъ самую сущность государственнаго строя и дастъ возникнуть новымъ формамъ, новому строю, болѣе согласному съ современными стремленіями къ свободѣ личности и равенству всѣхъ человѣческихъ существъ.

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕВОЛЮЦІИ

Есть времена въ жизни человѣчества, когда глубокое потрясеніе, громаднѣйшій переворотъ, способный расшевелить общество до самой глубины его основъ, становится неизбѣжно необходимымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ такія времена, каждый честный человѣкъ начинаетъ сознавать, что долѣе тянуть ту же жизнь невозможно. Нужно чтобы какія нибудь величественныя событія внезапно прервали нить исторіи, выбросили человѣчество изъ колеи, въ которой оно завязло, и толкнули его на новые пути, — въ область неизвѣстнаго, въ поиски за новыми идеалами. Нужна революція — глубокая, безпощадная — которая не только передѣлала бы хозяйственный строй, осно-

ванный на хищничествѣ и обманѣ, не только разрушила бы политическія учрежденія, построенныя на владычествѣ тѣхъ немногихъ, кто успѣетъ захватить власть путемъ лжи, хитрости и насилія, — но также расшевелила бы всю умственную и нравственную жизнь общества, вселила бы, въ среду мелкихъ и жалкихъ страстей, животворное дуновеніе высокихъ идеаловъ, честныхъ порывовъ и великихъ самопожертвованій. Въ такія времена, когда чванная посредственность заглушаетъ всякій голосъ, не преклоняющійся передъ ея жрецами, когда пошлая нравственность „блаженной середины" становится закономъ, и низость торжествуетъ повсемѣстно, революція становится просто необходимостью. Честные люди всѣхъ сословій начинаютъ сами желать бури, чтобы она, своимъ раскаленнымъ дуновеніемъ выжгла язвы, разъѣдающія общество, смела накопившуюся плѣсень и гнилость, и унесла въ своемъ страстномъ порывѣ всѣ эти обломки прошлаго, давящіе общество, лишающіе его свѣта и воздуха. Они желаютъ бури, чтобы дать наконецъ одряхлѣвшему міру новое дуновеніе жизни, молодости и честнаго исканія истины.

Въ такія времена, предъ обществомъ возникаетъ не одинъ вопросъ о насущномъ хлѣбѣ, а вопросъ обо всемъ дальнѣйшемъ развитіи, вопросъ о средствахъ выйти изъ застоя и гнилаго болота, — вопросъ жизни и смерти.

Исторія сохранила намъ память о подобныхъ временахъ, наканунѣ распаденія Римской Имперіи. Такія же времена переживаемъ и мы въ настоящую минуту.

———

Подобно Римлянамъ первыхъ вѣковъ нашей эры, мы видимъ, какъ въ умахъ назрѣваетъ глубокое измѣненіе всѣхъ основныхъ воззрѣній, и какъ оно ждетъ лишь благопріятныхъ условій, чтобы осуществить нарождающіяся мысли въ дѣйствительности. Мы чувствуемъ, какъ тогда чувствовали Римляне, что если переворотъ сталъ необходимостью въ хозяйственныхъ отношеніяхъ между людьми и въ ихъ политическомъ строѣ, то онъ еще болѣе того

необходимъ ради перестройки нашихъ нравственныхъ понятій.

Безъ извѣстной нравственной связи между людьми, безъ нѣкоторыхъ нравственныхъ обязательствъ, добровольно на себя принятыхъ и мало-по-малу перешедшихъ въ привычку, никакое общество не возможно. Такая нравственная связь и такія общественныя привычки дѣйствительно и существуютъ между людьми, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ ихъ развитія. Мы находимъ ихъ у самыхъ первобытныхъ дикарей.

Но въ теперешнемъ обществѣ, неравенство состояній, неравенство сословій, порабощеніе и угнетеніе человѣка человѣкомъ, составляющіе самую сущность жизни цивилизованныхъ народовъ, разорвали ту нравственную связь, которою держались общества дикарей. Нравственныя понятія, присущія первобытнымъ народамъ, не могутъ удержаться на ряду съ современною промышленностью, возводящею въ законъ порабощеніе крестьянъ и рабочихъ, хищничество и борьбу за наживу, съ торговлею, основанною на обманѣ или на пользованіи чужою неумѣлостью, и съ политическими учрежденіями, имѣющими въ виду утвердить власть немногихъ людей надъ всѣми остальными. Нравственность, вытекающая изъ сознанія единства между всѣми людьми одного племени и изъ потребности взаимной поддержки, не можетъ удержаться въ такихъ условіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой взаимной поддержки, какой солидарности, искать между хозяиномъ и его рабочимъ? между помѣщикомъ и крестьяниномъ? между начальникомъ войскъ и солдатами, которыхъ онъ шлетъ на смерть? между правящими сословіями и ихъ подчиненными? Ея нѣтъ, и быть не можетъ.

Поэтому, первобытная нравственность, основанная на отождествленіи каждаго человѣка со всѣми людьми его племени, исчезла. Вмѣсто нея нарождается фарисейская нравственность религій, которыя, большею частью, стремятся, помощью софизмовъ, оправдать существующее порабощеніе человѣка человѣкомъ, мирятся съ нимъ и довольствуются однимъ порицаніемъ грубѣйшихъ проявленій насилія. Онѣ снимаютъ съ человѣка его

обязательства по отношенію ко всѣмъ людямъ, и налагаютъ на него обязанности лишь по отношенію къ верховному существу, — т. е., къ невидимой отвлеченности, которой гнѣвъ можно укротить повиновеніемъ, или щедрою подачкою тѣмъ, кто выдаетъ себя за ея служителей.

Но сношенія, все болѣе и болѣе тѣсныя, между отдѣльными людьми, странами, обществами, народами и отдаленными материками, начинаютъ налагать на человѣчество новыя нравственныя обязательства. Человѣческія права приходится признать за всѣми людьми, безъ всякаго исключенія, и въ каждомъ человѣкѣ, какого бы онъ ни былъ рода и племени, приходится видѣть своего брата; страданія этого брата, кѣмъ бы они ни были вызваны, отзываются на всѣхъ людяхъ безъ различія. Религіи разъединяли людей; тѣсныя взаимныя сношенія неизбѣжно соединяютъ ихъ въ одно цѣлое — человѣческій родъ. И по мѣрѣ того, какъ религіозныя вѣрованія исчезаютъ, человѣкъ замѣчаетъ что для того чтобы быть счастливымъ, ему слѣдуетъ нести обязанности, не по отношенію къ неизвѣстному верховному существу, но по отношенію ко всѣмъ людямъ, съ которыми сталкивается его жизнь. Человѣкъ начинаетъ понимать, что счастье невозможно въ одиночку: что личнаго счастья надо искать въ счастіи всѣхъ — въ счастіи всего человѣчества. Вмѣсто отрицательныхъ велѣній христіанской нравственности: „не убей, не укради“ и т. д., появляются положительныя требованія обще-человѣческой нравственности, несравненно болѣе широкія и безпрестанно расширяющіяся. Вмѣсто велѣній бога, которыя всегда позволялись нарушать, лишь бы потомъ искупить грѣхъ покаяніемъ, является простое, но несравнено болѣе животворное чувство единства, общенія, солидарности со всѣми и каждымъ. И это чувство подсказываетъ человѣку: „Если ты хочешь счастья, то поступай съ каждымъ человѣкомъ такъ, какъ бы ты хотѣлъ чтобы поступали съ тобою. И если ты чувствуешь въ себѣ избытокъ силъ, любви, разума и энергіи, то давай ихъ всюду, не жалѣя, на счастье другихъ: въ этомъ ты найдешь высшее личное счастье.“ И эти простыя слова, — плодъ научнаго пониманія человѣческой жизни

и не имѣющія ничего общаго съ велѣніями религій — сразу открываютъ самое широкое поле для совершенствованія и развитія человѣчества.

И вотъ необходимость перестройки человѣческихъ отношеній, въ согласіи съ этими простыми и великими началами, даетъ себя чувствовать все болѣе и болѣе. Но перестройка не можетъ совершиться, и не совершится, покуда въ основѣ нашихъ обществъ будетъ лежать порабощеніе человѣка человѣкомъ и владычество однихъ надъ другими.

Тысячи примѣровъ можно было бы привести въ подтвержденіе сказаннаго. Достаточно одного — самаго ужаснаго, такъ какъ дѣло идетъ о нашихъ дѣтяхъ. — Что дѣлаемъ мы въ современномъ обществѣ изъ нашихъ дѣтей ?

Уваженіе къ дѣтскому возрасту есть одно изъ лучшихъ качествъ человѣчества. А между тѣмъ даже это уваженіе исчезаетъ ; въ современномъ обществѣ ребенокъ безпрестанно становится, либо простымъ средствомъ для наживы, либо средствомъ удовлетворенія самыхъ худшихъ страстей.

Нигдѣ, даже среди самыхъ дикихъ племенъ Африки, ребенка не изнуряютъ непосильною работою. Вездѣ онъ свободенъ, и нагуливаетъ себѣ силы, какъ бы трудно ни было его отцу и матери добывать пропитаніе. Но въ образованныхъ обществахъ, мы сумѣли извратить даже это отношеніе къ дѣтямъ. Ихъ запираютъ въ фабрику, или въ мастерскую, и заставляютъ работать до изнуренія, изъ-за корки хлѣба, — не смотря на всякіе покровительственные законы, время отъ времени издаваемые нашими законодателями. Обозрѣвая фабрики Американскаго Штата Массачусета, Эмма Броунъ нашла въ каждой фабрикѣ цѣлыя кучи дѣтей, и самый видъ каждаго изъ этихъ маленькихъ существъ говорилъ что въ его худенькомъ тѣлѣ уже имѣются зачатки всякихъ болѣзней : малокровія, уродливостей костяка, чахотки. Сорокъ-четы-

ре процента, т. е. почти половина всѣхъ рабочихъ на фабрикахъ этого набожнаго Американскаго Штата, оказываются дѣти, моложе пятьнадцати лѣтъ. И платятъ имъ только четверть того, что платятъ взрослому рабочему.

И тоже самое — вездѣ! При каждомъ взрывѣ въ угольныхъ копяхъ Англіи, въ числѣ убитыхъ насчитываютъ мальчиковъ моложе 12-ти лѣтъ. Набережныя людныхъ купальныхъ городовъ, роскошныя улицы столицъ переполнены, ночью, дѣтьми, дрожащими отъ холода на вѣтру, чтобы заработать двѣ-три копѣйки на продажѣ газетъ. На ткацкихъ заводахъ Англіи, 45,560 дѣвочекъ моложе 13-и лѣтъ и 40,560 мальчиковъ. Съ тринадцати лѣтъ, дѣвочки уже работаютъ цѣлый день, наравнѣ съ большими, т. е. по десяти и одинадцати часовъ въ сутки, и имъ даже не ведется отдѣльнаго счета: ихъ считаютъ въ числѣ 610,600 „женщинъ“. Не мудрено, что на всѣхъ ткацкихъ заводахъ Англіи оказывается всего 127,000 мущинъ. Остальное — „женщины“, т. е. большею частью дѣвочки и дѣвушки, начиная съ 13-и лѣтъ, или даже моложе, такъ какъ хозяева очень охотно ставятъ за станокъ и одинадцати-лѣтняго ребенка. За то же и надо видѣть этихъ дѣвочекъ: большинство изъ нихъ, по росту и силамъ — совершенныя дѣти, даже и тогда когда онѣ узнали что значитъ быть матерью.

Вотъ что дѣлаетъ образованное человѣчество со своими дѣтьми. Самое ужасное избіеніе младенцевъ совершается въ государствахъ, имѣющихъ самыя свободныя политическія учрежденія и предостаточно законовъ, написанныхъ будто бы для защиты рабочихъ. Объ Россіи-же и говорить нечего.

Сведя школьное образованіе на самое рутинное обученіе, не дающее никакого приложенія молодымъ и хорошимъ порывамъ, появляющимся у большинства дѣтей въ извѣстномъ возрастѣ, наши правители сдѣлали то, что всякій юноша мало-мальски независимый, поэтичный и гордый, начинаетъ ненавидѣть школу, и либо замыка-

ется въ самого себя, либо находитъ какой нибудь жалкій исходъ своимъ молодымъ порывамъ. Одни ищутъ въ чтеніи романовъ ту поэзію, которой не даетъ имъ жизнь; они набиваютъ себѣ голову тою грязною литературою, которою переполнены газеты издаваемыя буржуазіею и кончаютъ, какъ Лемэтръ, перерѣзавшій горло другому ребенку и распоровшій ему животъ, чтобы стать „извѣстнымъ убійцею". Другіе впадаютъ во всевозможные пороки. И одни только дѣти „блаженной середины", т. е. такія, которыя не знаютъ ни порывовъ, ни страстей, доходятъ въ школѣ, безъ приключеній, до благополучнаго конца. Эти „умѣренные и аккуратные" станутъ въ свое время добродѣтельными буржуа. Они не будутъ прожигать жизнь, не будутъ таскать платковъ изъ кармана у прохожихъ, но станутъ „честно" обворовывать своихъ кліентовъ; страстей у нихъ не окажется, но ими будетъ поддерживаться уличный торгъ; они будутъ сидѣть въ своемъ болотѣ и злобно кричать „казни его" на каждаго кто вздумаетъ замутить ихъ трясину.

Такъ воспитываютъ мальчиковъ. Дѣвочку же буржуазія, особенно французская, развращаетъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Глупѣйшія книжки, куклы одѣтыя какъ камеліи, и поучительные примѣры матери — все, вмѣстѣ взятое, приготовитъ изъ дѣвочки женщину, готовую продаться тому, кто больше за нее заплатитъ. И этотъ ребенокъ уже сѣетъ развратъ вокругъ себя: рабочія дѣти съ завистью заглядываются на эту богато-одѣтую, развязную куколку. Но если мать ея добросовѣстная буржуазка, то дѣло будетъ еще хуже. Если дѣвочка не глупа, она скоро оцѣнитъ по достоинству двуличную нравственность своей матери, состоящую изъ такихъ совѣтовъ: „Люби ближняго и грабь его, когда можешь. Будь добродѣтельна, но лишь до извѣстной степени," и т. д., и — задыхаясь въ этой обстановкѣ, не находя въ жизни ничего прекраснаго, высокаго, увлекательнаго, она отдастся первому попавшемуся, лишь бы онъ удовлетворилъ ея жажду роскоши.

—

Переберите подобные факты, обдумайте ихъ причины, и скажите сами : — Не правы ли мы, когда утверждаемъ, что необходима глубокая революція, чтобы унести всю эту мразь, накопившуюся въ современныхъ обществахъ, и потрясти самыя ихъ основы ?

Покуда у насъ будетъ оставаться каста людей, живущихъ въ праздности, подъ тѣмъ предлогомъ что они нужны для управленія нами — эти праздные люди всегда будутъ источникомъ нравственной заразы въ обществѣ. Человѣкъ праздный, вѣчно ищущій новыхъ наслажденій, и у котораго чувство солидарности съ другими людьми убито самыми условіями его жизни — такой человѣкъ всегда будетъ склоненъ къ самой грубой чувственности : онъ неизбѣжно будетъ опошливать все до чего прикоснется. Со своимъ туго-набитымъ кошелемъ и своими грубыми инстинктами, онъ будетъ развращать женщину и ребенка ; онъ развратитъ искуство, театръ, печать — онъ уже это сдѣлалъ ; онъ продастъ свою родину врагу, продастъ ея защитниковъ ; и такъ какъ онъ слишкомъ трусоватъ чтобы избивать кого-либо, то въ тотъ день когда бунтующійся народъ заставитъ его дрожать за кошель, — единственный источникъ его наслажденій, — онъ пошлетъ наемщиковъ избивать лучшихъ людей своей родины.

Иначе оно быть не можетъ ; и никакія писанія, никакія нравственныя проповѣди ни въ чемъ не помогутъ. Горе не въ табакѣ и не въ безвѣріи, какъ думаетъ Толстой, а въ самыхъ условіяхъ, во всемъ складѣ общественной жизни. Зараза сидитъ въ самой глубинѣ семейнаго очага, поддерживаемаго угнетеніемъ другихъ людей, и эту заразу надо истребить, хотя бы для того и пришлось прибѣгнуть къ огню и мечу. Колебанія въ выборѣ быть не можетъ. Дѣло идетъ о спасеніи того, что человѣчеству всего дороже : его нравственной общественной жизни.

———

БУДУЩАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

Европа — говорили мы въ предидущихъ главахъ — быстро приближается, ускореннымъ ходомъ, къ революціонному взрыву.

Изучая современное состояніе промышленности и торговли — какъ онѣ сложились въ рукахъ средняго сословія, — легко убѣдиться что онѣ обѣ страдаютъ отъ неисправимаго недостатка. Полнѣйшее отсутствіе научныхъ началъ въ организаціи производства, полнѣйшее пренебреженіе къ дѣйствительнымъ потребностямъ общества, безумная трата силъ и общественнаго богатства, жажда наживы, доведшая до полнаго пренебреженія самыхъ простыхъ человѣческихъ отношеній, непрерывная промышленная война и повсемѣстная неурядица — вотъ что составляетъ отличительную черту нашей промышленности и торговли, сложившихся, не въ интересахъ народа, а въ интересахъ одного только средняго сословія. И, вслѣдствіе этого, мы съ радостью ждемъ того дня, когда народъ потребуетъ низверженія средняго сословія, съ такимъ же единодушіемъ, съ какимъ, въ былыя времена, онъ требовалъ низложенія королевской власти и помѣщиковъ.

Изучая развитіе государствъ, ихъ роль въ исторіи и ихъ теперешнее разложеніе, мы должны признать что государственная форма союза между людьми уже совершила въ исторіи человѣчества все то, чего можно было

отъ нея ожидать. Она рушится теперь подъ тяжестью присвоенной себѣ власти, и на ея мѣсто должны возникнуть новыя формы союза гражданскаго, основанныя на новыхъ началахъ и болѣе согласныя съ современнымъ развитіемъ человѣчества.

Съ другой стороны, всѣ тѣ, кто внимательно слѣдитъ за развитіемъ мысли въ теперешнемъ обществѣ, знаютъ съ какою энергіею мысль работаетъ, именно теперь, надъ полнымъ пересмотромъ всѣхъ воззрѣній, завѣщанныхъ намъ прошлыми вѣками, и надъ выработкою новыхъ, научныхъ и философскихъ системъ, которыя должны лечь въ основу будущаго общества. Надъ этимъ пересмотромъ стараго работаютъ уже не одни темные реформаторы изъ крестьянства и рабочихъ, измученные непосильною работою и нищетою, возстающіе противъ современныхъ учрежденій въ надеждѣ на лучшее будущее.

Надъ тою же ломкою стараго трудится и ученый; хотя онъ выросъ въ старыхъ предразсудкахъ, но мало-по-малу онъ отрѣшается отъ нихъ и, прислушавшись къ идеямъ, зарождающимся въ народѣ, онъ становится ихъ научнымъ выразителемъ и поборникомъ. Дѣйствительно, защитники прошлаго съ отчаяніемъ въ душѣ указываютъ на то, что современная критика подтачиваетъ все то что они привыкли считать священною истиною. — „Философію, естественныя науки, теоріи нравственности, исторію, искуство — ничего критика не щадитъ въ своей ужасной ломкѣ", восклицаютъ защитники старины. — Да, ничего она не щадитъ, даже самыхъ основъ нынѣшнихъ общественныхъ учрежденій — личной собственности и власти; и надъ разрушеніемъ ихъ одинаково трудятся и народныя массы, и люди мысли: не только тѣ, кто прямо заинтересованъ въ ихъ уничтоженіи, но и тѣ кто со страхомъ отступится отъ своихъ собственныхъ воззрѣній, когда эти воззрѣнія, отряхнувъ съ себя пыль ученыхъ кабинетовъ, шумно выступятъ на улицу и потребуютъ осуществленія въ жизни.

Разложеніе существующаго — и всеобщее недовольство; страстная разработка новыхъ формъ жизни — и нетерпѣливое желаніе скорѣе совершить неизбѣжное измѣненіе общественнаго строя; юношеское пробужденіе критической мысли въ области наукъ, философіи, общественной нравственности, — и всеобщее пренебреженіе къ крѣпостническимъ идеаламъ старины. А съ другой стороны — лѣнивое равнодушіе или преступное сопротивленіе тѣхъ, кому принадлежитъ власть — тѣхъ кто имѣетъ силу, а подчасъ и смѣлость, противиться нарождающимся новымъ идеямъ.

Таковымъ всегда было состояніе обществъ наканунѣ большихъ революцій; таково оно и теперъ. И это утверждаемъ не мы одни; тоже самое признаютъ и наши враги. Даже тѣ, кто успокаиваетъ себя словами: „погодимъ, покуда еще нѣтъ опасности“ и тѣ постоянно проговариваются что положеніе ухудшается съ каждымъ днемъ, и что они положительно не знаютъ, куда мы идемъ. Главная забота всѣхъ правительствъ — раздавить, а если нельзя раздавить, то хоть разрознить, мелкими уступками, готовящееся революціонное движеніе. Ни одно изъ европейскихъ правительствъ, кромѣ, можетъ-быть всероссійскаго, и не думаетъ о возможности предотвратить революціонный взрывъ; они сговариваются лишь о томъ, какъ-бы ослабить его, какъ-бы завладѣть имъ. Среднія сословія въ Европѣ вполнѣ понимаютъ неизбѣжность революціи. Во Франціи эта увѣренность вошла во всеобщее убѣжденіе, она стала ходячею фразою; она безпрестанно прорывается какъ въ газетахъ, такъ и въ ученыхъ работахъ. Богатые люди, точно дворяне передъ 1789 годомъ, даже любятъ шутить на эту тему. — „Ну, а покуда, говорятъ они, повеселимся всласть, а тамъ, когда что, увидимъ куда бѣжать.“ Недавнія заигрыванья нѣмецкаго императора съ соціалистами прямо вызваны убѣжденіемъ въ неизбѣжность близкой республиканской революціи въ Германіи, и Императорскій Соціализмъ есть послѣдняя карта проигравшагося игрока, чтобы подкупить своего противника. И если англійская печать продолжаетъ, какъ всегда, писать свои успокоительныя статьи, то обѣ политическія партіи, консерваторы и либералы, а равно и англиканская церковь,

вполнѣ признаются въ публичныхъ рѣчахъ и въ частныхъ разговорахъ, что надо во что бы то ни стало овладѣть революціоннымъ движеніемъ, дабы, по крайней мѣрѣ, сдержать его въ извѣстныхъ предѣлахъ. Тоже самое проповѣдуетъ и папа, въ одинъ голосъ со своими исконными врагами — англиканскими епископами.

Революція неизбѣжна; она близка: въ этомъ одинаково убѣждены и государственные люди Европы, и дѣятели рабочаго движенія, и посторонніе наблюдатели.

— „Но ее такъ часто уже возвѣщали“ — вздыхаетъ около насъ пессимистъ. „Я самъ вѣрилъ въ близость революціи, а ея все-таки еще нѣтъ“, говоритъ онъ. — Не грустите объ этомъ: затянувшись на нѣсколько лѣтъ, она только успѣетъ лучше назрѣть. — „Два раза Революція едва не вспыхнула — въ 1754 и въ 1771 году“ — говоритъ одинъ историкъ восемьнадцатаго вѣка*) [я едва не написалъ: въ 1848 и въ 1871 году — такъ близко сходятся числа]. И она пришла, тѣмъ не менѣе, въ концѣ того же вѣка, но гораздо глубже и плодотворнѣе чѣмъ если бы она вспыхнула раньше.

Но оставимъ безпечныхъ и пессимистовъ и лучше посмотримъ, какой характеръ можетъ принять революція, и что мы можемъ въ ней сдѣлать.

Мы не станемъ пускаться въ историческія пророчества. Ихъ не допускаетъ ни теперешнее младенческое состояніе науки объ обществахъ, ни теперешнее положеніе исторіи, которая, по выраженію Огюстена Тьери, „только душитъ истину подъ своими условными формулами“. Поэтому, ограничимся нѣсколькими простыми вопросами.

Возможно-ли допустить, въ самомъ дѣлѣ, чтобы эта громадная работа мысли и критики, совершающаяся во всѣхъ слояхъ общества, разрѣшилась одною простою перемѣною формы правленія? чтобы недовольство экономи-

---

*) Félix Rocquain, „Революціонный духъ передъ революціею“. Парижъ, 1879.

ческимъ положеніемъ, ростущее изо дня въ день и распространяющееся повсемѣстно, не постаралось бы найти себѣ исходъ въ общественной жизни, какъ только представятся благопріятныя условія, т. е., какъ только существующія правительства будутъ расшатаны революціею?

Отвѣтъ на эти вопросы ясенъ. — Очевидно, этого нельзя допустить. Попытки перестроить хозяйственныя отношенія будутъ сдѣланы неизбѣжно.

Возможно-ли допустить, напримѣръ, что крестьяне въ Ирландіи, которые столько вѣковъ стремятся завладѣть землею и прогнать ненавидимыхъ ими англійскихъ помѣщиковъ, не воспользуются первымъ замѣшательствомъ въ Англіи, чтобы осуществить свои завѣтныя мечты?

Можно-ли думать, что все это громадное развитіе соціализма, совершившееся въ Англіи въ какихъ-нибудь семь-восемь лѣтъ (съ 1884 или 1885 года), охватившее милліоны народа, и проникшее даже въ среду поденщиковъ, которые прежде и думать не смѣли о сговорахъ и стачкѣ, — не отозвалось чѣмъ-нибудь, какъ только революція вспыхнетъ гдѣ бы то ни было на материкѣ?

Идея о „національзаціи земли", т. е. объ отнятіи земли у помѣщиковъ и обращеніи ея въ собственность всего народа, стала до того общераспространенной въ Англіи; а идея о „муниципализаціи" собственности, т. е. о переходѣ фабрикъ, заводовъ, доковъ, конныхъ и другихъ желѣзныхъ дорогъ въ руки городовъ, слышится такъ повсемѣстно во всѣхъ рабочихъ кружкахъ Англіи, и такъ усиленно проповѣдуется тысячами рабочихъ, что безумно было бы допустить, хотя на минуту, что въ случаѣ революціи, англійскіе рабочіе не попытаются осуществить этихъ идей.

Можно-ли допустить также, что во Франціи, въ случаѣ новой европейской революціи похожей на революцію 1848 года, народъ ограничится тѣмъ что прогонитъ умѣренныхъ министровъ и посадитъ на ихъ мѣсто другихъ, радикальныхъ? Радикаламъ французскій народъ болѣе

уже не вѣритъ, и онъ навѣрное провозгласитъ Коммуны во всѣхъ большихъ городахъ и пожелаетъ узнать что такое Коммуна можетъ сдѣлать для народа. Нужно тоже вовсе не знать французскаго крестьянина, чтобы думать что въ случаѣ такого потрясенія онъ не постарается овладѣть бархатными лугами своихъ сосѣдокъ — монахинь изъ сосѣдняго монастыря, не захватитъ полей купца, скупающаго землю кругомъ у обѣднѣвшихъ крестьянъ, и не поддержитъ именно тѣхъ, которые будутъ стремиться обезпечить ему плоды его труда. Люди знающіе французскаго крестьянина, напротивъ того, прямо утверждаютъ что онъ несомнѣнно станетъ на сторону коммунъ, если онѣ провозгласятъ возвратъ крестьянамъ земель, заложенныхъ у ростовщиковъ, уничтожатъ воинскую повинность, и дадутъ свободу отъ безчисленныхъ податей, нынѣ платимыхъ правительству.

Наконецъ, когда революція вспыхнетъ въ Европѣ, и до русскаго, обездоленнаго, замученнаго голодомъ и податьми крестьянина донесется вѣсть что въ Европѣ крестьяне отбираютъ земли у помѣщиковъ, что отъ богатыхъ господъ требуютъ чтобы они работали наравнѣ со всѣми рабочими, и что тамъ настало царство народа, вмѣсто царства благородныхъ и другихъ хищниковъ, — когда само русское правительство начнетъ дрожать за свою судьбу и либеральные господа наберутся смѣлости заговорить человѣческимъ языкомъ на мѣсто теперешняго холопскаго — развѣ можно допустить чтобы русскій крестьянинъ тоже не попытался посчитаться со своими вѣковыми притѣснителями? Развѣ онъ станетъ попрежнему платить подати, отбывать барщину на барина, на кулака и на купца? развѣ станетъ онъ терпѣливо выносить самодурство и зуботычины всякаго начальства и не попытается раздѣлаться съ ними, какъ только почувствуетъ что за помѣщикомъ и земскимъ начальникомъ не стоятъ милліоны штыковъ?

И, наконецъ, развѣ крестьяне въ Австріи, въ Италіи, въ Испаніи смогутъ остаться неподвижными? Они и теперь уже каждодневно бунтуются, хотя знаютъ чего стоитъ имъ каждый бунтъ и каждое усмиреніе.

Но, при неизбѣжной дезорганизаціи государственной власти, и рудокопы не останутся сложа руки. Уже теперь въ ихъ среду проникло убѣжденіе что угольныя копи принадлежатъ тѣмъ, кто въ нихъ работаетъ. Уже теперь, самые умѣренные, даже изъ англійскихъ рудокоповъ, не говоря о бельгійскихъ и французскихъ, заявляютъ публично что ихъ волненія не прекратятся до тѣхъ поръ, пока теперешніе хозяева копей не будутъ удалены, и копи не отойдутъ къ самимъ углекопамъ. Но пусть они только замѣтятъ что власть государства дезорганизована, что войска колеблятся усмирять народъ пулями — и они не замедлятъ привести свои завѣтныя думы въ исполненіе.

Въ свою очередь, и мелкій ремесленникъ, вѣчно бьющійся въ своей темной коморкѣ, какъ бы прокормить себя и дѣтей, — тѣмъ болѣе любимыхъ чѣмъ блѣднѣе и слабѣе они выглядятъ отъ нищеты, — пожелаетъ чего-нибудь лучшаго. И даже забитый „босарь", ночующій теперь на дождѣ въ подгородномъ оврагѣ, или подъ мостомъ богатой столицы, попытается, въ свою очередь, добиться хоть какой-нибудь перемѣны и потребуетъ у коммуны, у города, у богатыхъ, теплаго угла для ночлега и пищи. Каждый обездоленный непремѣнно спроситъ себя, — неужели-же въ богатыхъ домахъ не найдется хоть угла для бездомнаго ? Неужели въ магазинахъ большихъ городовъ, переполненныхъ предметами роскоши для бездѣльниковъ, нельзя имѣть хлѣба для тѣхъ, кто съ дѣтства не привыкъ бездѣльничать ? и неужели люди не могутъ наработать достаточно предметовъ первой необходимости для всего человѣчества, если работа рабочихъ не пойдетъ на выдѣлку тысячи ненужныхъ предметовъ ?

Всѣ эти мысли носятся повсемѣстно ; всѣ онѣ повторяются въ рабочихъ собраніяхъ, въ печати, на сходкахъ и въ домашнихъ разговорахъ ; такъ можно ли думать что вся эта работа мысли пройдетъ безслѣдно и не выскажется, въ минуту броженія и распаденія государственной власти, попытками перестроить экономическій строй Европы ?

Отвѣтъ на эти вопросы до того очевиденъ, что здравый смыслъ всѣхъ думающихъ людей въ Европѣ уже понимаетъ слѣдующее:

„Будущая революція будетъ имѣть характеръ всеобщности, которой не имѣли предыдущія революціи. Гдѣ бы она не началась, она не ограничится однимъ государствомъ, но распространится на всю Европу. Если въ былыя времена возможны были мѣстные перевороты, то теперь, при нынѣ существующемъ тѣсномъ общеніи между всѣми странами, и при обиліи причинъ способныхъ вызвать революцію въ каждой изъ нихъ, это немыслимо, — если только революція, начавшись гдѣ нибудь, протянется нѣсколько времени. Подобно тому, какъ было въ 1848 году, пожаръ революціи неизбѣжно перекинется изъ одной страны въ другія и охватитъ всю Европу, даже не исключая Англіи.

„Но если въ 1848 году взбунтовавшіеся города — Парижъ, Вѣна, Берлинъ — еще могли вѣрить въ простую перемѣну формы правленія, и довольствовались провозглашеніемъ республики во Франціи и конституціонными уступками въ Германіи и Австріи, — то теперь этого уже не повторится. Парижскій рабочій, напримѣръ, не будетъ ждать отъ правительства — какое бы даже оно ни было, хотя бы даже правительство Коммуны — чтобы оно его облагодѣтельствовало. Онъ извѣрился въ правительства и самъ постарается чего нибудь добиться.

Русскіе крестьяне не станутъ ждать чтобы Земскій Соборъ подарилъ имъ землю, отнятую у нихъ господами помѣщиками и царемъ: лишь бы они почувствовали надежду на успѣхъ, лишь бы они почувствовали, что завтра не нагрянутъ на нихъ штыки и пушки, и они сами попытаются завладѣть этою землею. Поговорите на этотъ счетъ съ крестьянами, присмотритесь къ ихъ мелкимъ бунтамъ. Тоже самое случится и въ Испаніи и въ Италіи. И если нѣмецкій рабочій долго вѣрилъ что все можетъ быть сдѣлано для него по телеграфу изъ Берлина, лишь бы тамъ сидѣли „настоящіе люди", то и эта вѣра сильно поколебалась за послѣднее время, по мѣрѣ того какъ громадное различіе во взглядахъ и революціонномъ темпераментѣ

нѣмецкихъ соціалистовъ-рабочихъ и ихъ парламентскихъ вожаковъ стало обрисовываться все ярче и ярче. Рабочій уже теряетъ въ нихъ прежнюю вѣру, и ихъ ошибки, ихъ безсиліе разрѣшить великіе назрѣвшіе вопросы — невозможность разрѣшить эти вопросы парламентскимъ путемъ, безъ народной революціи — скоро заставятъ и нѣмецкаго рабочаго искать спасенія въ своей собственной предпріимчивости, въ народномъ революціонномъ движеніи".

Повсемѣстныя попытки перестроить экономическія отношенія, — попытки, дѣлаемыя самимъ народомъ, не ожидая чтобы всѣ улучшенія посыпались на него сами, какъ манна съ небесъ, — вотъ характеръ, который неизбѣжно приметъ европейская революція.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПРАВА

Буржуазная печать постоянно восхваляетъ намъ всѣ прелести политическихъ правъ такъ-называемаго „свободнаго гражданина", т. е., всеобщей подачи голосовъ, свободы выборовъ, свободы печати и сходокъ, и тому подобнаго.

— Разъ вы имѣете эту свободу — говорятъ намъ, — то къ чему-же вы бунтуете? Развѣ она не даетъ вамъ возможности произвести безусловно всѣ необходимыя преобразованія, не прибѣгая къ возстанію.

Разсмотримъ-же чего стоятъ эти „политическія права" съ нашей точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія тѣхъ, кто ничего не имѣетъ и никѣмъ не управляетъ, у кого „правъ" очень мало, а обязанностей безъ конца.

Мы не станемъ утверждать, хотя иногда это и говорится во время споровъ, чтобы политическія права не имѣли для насъ никакой цѣны. Мы превосходно знаемъ, что въ западной Европѣ со времени уничтоженія крѣпостной зависимости, а тѣмъ болѣе, съ конца прошлаго вѣка, народъ пріобрѣлъ нѣкоторыя, весьма цѣнныя права. Крестьянинъ и рабочій перестали быть безправными рабами. Западно-европейскаго крестьянина никто не воленъ сѣчь, какъ сѣкутъ крестьянъ по сію пору въ Россіи, и господа дворяне больше не смотрятъ на мужика, какъ на рабочую скотину. Точно также городской рабочій — особенно въ большихъ городахъ, — разъ онъ вышелъ изъ мастерской, считаетъ себя равнымъ любому барину. Благодаря революціямъ, благодаря крови пролитой народомъ, народъ пріобрѣлъ кое-какія личныя права, значенія которыхъ мы вовсе не хотимъ умалять. Даже русскій крестьянинъ, съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, пріобрѣлъ нѣкоторыя личныя права, настолько цѣнныя, что вполнѣ оцѣнить ихъ можетъ только тотъ, кто самъ когда-то несъ крѣпостное ярмо.

Но есть права и права; и смѣшивать ихъ можетъ только тотъ, кто норовитъ спутать понятія въ народѣ. Есть права, имѣющія дѣйствительное, положительное значеніе для человѣка, и есть права совершенно мнимыя. Такъ, напримѣръ, равенство между крестьяниномъ и бариномъ въ ихъ личныхъ сношеніяхъ, или освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, настолько дороги народу, что онъ немедленно возсталъ бы, если бы кто-нибудь вздумалъ ихъ нарушить. Даже русскіе крестьяне, освобожденные всего тридцать лѣтъ тому назадъ отъ крѣпостнаго рабства и барской розги, (благодаря тому что съ самой Севастопольской войны они стали повсемѣстно бунтоваться и убивать своихъ помѣщиковъ) — даже русскіе крестьяне бунтуются съ тѣхъ поръ, какъ Александръ Александровичъ задумалъ вернуть ихъ въ подданство барину и назначилъ земскихъ начальниковъ изъ дворянъ, для нещадной порки мужиковъ.

Но есть другія права, какъ напримѣръ, всеобщая подача голосовъ, или свобода печати, къ которымъ народъ въ западной Европѣ почти совершенно равнодушенъ, потому что онъ чувствуетъ что если эти права дѣйствительно даютъ среднему сословію средство обороняться противъ опеки правительства и противъ крупныхъ землевладѣльцевъ, то народа они нисколько не обороняютъ отъ средняго сословія. Напротивъ того, народъ чувствуетъ что эти такъ называемыя права просто служатъ, въ рукахъ средняго сословія, средствомъ для удержанія ихъ власти надъ трудящимся людомъ. Ихъ и не слѣдовало бы называть громкимъ именемъ народныхъ правъ, потому что народу они не даютъ ровно никакой защиты; и если объ нихъ продолжаютъ говорить съ такимъ восторгомъ, то — только потому что весь нашъ складъ политическаго мышленія и самый политическій языкъ были выработаны правящими сословіями, въ ихъ собственномъ интересѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое политическія права, если не средство для охраны личной независимости, личнаго достоинства и свободы тѣхъ, кто еще въ самомъ себѣ не чувствуетъ силы заставить уважать свою свободу и свое личное достоинство? Какая въ нихъ польза, если они не служатъ средствомъ освобожденія именно тѣхъ, кто еще не свободенъ? — Бисмарку и Гладстону не нужно законовъ о свободѣ печати и сходокъ, потому что они и безъ того пишутъ что хотятъ, сходятся съ кѣмъ хотятъ, проповѣдуютъ что хотятъ; они уже свободны. Если кому нужно обезпечить свободу слова и сходокъ, такъ это именно тѣмъ, кто еще слишкомъ слабъ, чтобы заставить другихъ уважать свою волю. Таково и было, въ дѣйствительности, происхожденіе всѣхъ политическихъ правъ.

Но, въ такомъ случаѣ, — развѣ вышеупомянутыя политическія права существуютъ для тѣхъ кому они всего нужнѣе?

— Очевидно нѣтъ. Всеобщая подача голосовъ иногда даетъ среднему сословію нѣкоторую защиту противъ пра-

вительства, не доводя недовольныхъ до явнаго возстанія. Она можетъ сохранить равновѣсіе между партіями, которыя борятся за власть, и не допускаетъ до открытой борьбы оружіемъ, какъ это дѣлалось въ былыя времена. Но если является надобность низвергнуть правительство, или только ослабить его власть въ интересѣ народа, то тутъ всеобщая подача голосовъ уже ни причемъ. Она является прекраснымъ средствомъ для мирнаго разрѣшенія споровъ между правящими классами — но какая отъ нея польза для управляемыхъ?

Самая исторія всеобщей подачи голосовъ доказываетъ справедливость сказаннаго. — До тѣхъ поръ, покуда буржуазія думала что всеобщая подача голосовъ можетъ стать оружіемъ въ рукахъ народа противъ привилегированныхъ сословій, она съ ожесточеніемъ боролась противъ этого нововведенія. Но когда 1848-й годъ во Франціи, а потомъ Наполеоновская имперія доказали что всеобщей подачи голосовъ нечего бояться, — что она превосходно уживается не только съ капиталомъ, но даже съ Наполеоновскимъ своевластіемъ, и что при помощи этого отвода глазъ нѣтъ ничего легче какъ управлять народомъ, — буржуазія немедленно согласилась на эту мѣру, и стала вводить ее повсемѣстно. Чего-же лучше! Править страною, какъ правили Бисмаркъ, Наполеонъ и Криспи, и увѣрять народъ что онъ самъ собою управляетъ! Теперь среднее сословіе само стоитъ горою за всеобщую подачу голосовъ, потому что отлично знаетъ что всеобщіе выборы даютъ превосходное средство удержать власть, но совершенно неспособны, въ чемъ бы то ни было, содѣйсвовать освобожденію народа.

———

Тоже самое относится и до свободы печати. Дѣйствительно, самымъ убѣдительнымъ доводомъ въ пользу свободы печати оказалось, въ глазахъ средняго сословія, — безсиліе ея. — Да, безсиліе печати: Эмиль Жирарденъ даже написалъ цѣлую отличную книгу на эту тему. — „Въ былыя времена,“ пишетъ онъ, „колдуновъ жгли на кострахъ, потому что воображали что колдуны всемогущи;

теперь, ту же глупость продѣлываютъ надъ книгами, потому что ихъ тоже считаютъ всемогущими. На самомъ же дѣлѣ это вздоръ, потому что печать также безсильна, какъ средневѣковые колдуны". Изъ чего Жирарденъ заключалъ что преслѣдовать печать просто глупо. Такъ писалъ Жирарденъ пятьдесять лѣтъ тому назадъ. И въ настоящее время, когда буржуа разсуждаютъ о свободѣ печати, они всегда говорятъ : „Взгляните на Англію, на Швейцарію, или на Соединенные Штаты. У нихъ печать свободна, а между тѣмъ, развѣ царство капитала тамъ менѣе обезпечено чѣмъ въ какой нибудь подцензурной Россіи? Напротивъ того. Пусть ихъ себѣ излагаютъ въ своихъ листкахъ самыя революціонныя ученія. Точно мы не можемъ заглушить этихъ листковъ нашею могучею ежедневною печатью, безъ всякаго виднаго насилія? И наконецъ, если въ минуту народнаго волненія, революціонная печать стала бы дѣйствительно опасною — точно у насъ нѣтъ средствъ, самымъ законнымъ образомъ, закрыть всѣ ихъ газеты подъ благовиднымъ предлогомъ." *)

Тоже самое разсужденіе дѣлается относительно свободы сходокъ. Буржуа говоритъ : — „Конечно, дайте имъ полнѣйшую свободу сходокъ ! Самое страшное для насъ, это тайныя общества, а открытыя собранія — лучшее средство помѣшать образованію тайныхъ обществъ. А если бы, въ минуту волненія, народныя собранія оказались опасными — точно мы не можемъ закрыть ихъ и пере-

*) Такъ и дѣлаютъ теперь. Печать вольна писать все что ей вздумается. Во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ, издатель газеты воленъ каждодневно совѣтовать убійство министра. Но, если бы кто-нибудь вздумалъ послѣдовать этому совѣту, то и редакторъ, и убійца приговариваются къ смерти. — За примѣромъ ходить не далеко. Анархистъ Сивокъ былъ приговоренъ къ смерти (замѣненной пожизненной каторгой) за статью.

хватать всѣхъ дѣятельныхъ людей! Правительственная сила у насъ въ рукахъ!“

— „Ненарушимость святыни домашняго очага? Конечно, впишите ее въ законы! Кричите объ ней вездѣ, во всю мочь!“ — говорятъ мудрецы изъ средняго сословія. — „Намъ вовсе не желательно чтобы полиція врывалась къ намъ въ дома и заставала насъ въ расплохъ. Но за то мы учредимъ тайную полицію чтобы надзирать за подозрительными людьми; мы наводнимъ страну, и особенно рабочія собранія, соглядатаями; мы составимъ списки опасныхъ людей, и будемъ зорко слѣдить за ними. И когда мы узнаемъ что дѣло плохо, что наши кошели въ опасности — будемъ дѣйствовать смѣло! Нечего тогда толковать о законности: будемъ хватать людей ночью, въ постелѣ; все обыщемъ, все разнюхаемъ! Главное въ такомъ случаѣ — смѣлость! И если глупые законники начнутъ протестовать, мы и ихъ заарестуемъ и скажемъ: «Ничего, господа, не подѣлаешь, — война такъ война», и вы увидите что всѣ «порядочные люди» будутъ за насъ.“

— Тайна почтовой переписки? Конечно, говорите вездѣ, кричите на торжищахъ, что вскрывать чужія письма — самое ужасное преступленіе. Если какой нибудь почтмейстеръ вскроетъ чужое письмо — подъ судъ его, злодѣя! Мы вовсе не хотимъ чтобы кто нибудь смѣлъ проникать въ наши маленькія тайны. Но за то если до насъ дойдетъ слухъ объ какомъ-нибудь заговорѣ противъ нашихъ привиллегій — тогда не взыщите. Всѣ письма будемъ вскрывать, назначимъ на это тысячи чиновниковъ, если нужно, и если кто-нибудь вздумаетъ жаловаться, мы отвѣтимъ прямо, цинично, какъ недавно отвѣтилъ одинъ англійскій министръ на запросъ ирландскаго депутата: — „Да господа, съ болью въ сердцѣ я долженъ признать что мы вскрываемъ ваши письма. Но мы дѣлаемъ это исключительно потому что государство (т. е. дворянство и буржуазія) въ опасности!“

Вотъ къ чему сводятся политическія права.

Свобода печати и сходокъ, святость домашняго очага и т. д. существуютъ только подъ условіемъ чтобы народъ не пользовался ими противъ привилегированныхъ сословій. Въ тотъ же день когда народъ начинаетъ пользоваться ими чтобы подрывать привиллегіи правящихъ классовъ — всѣ эти такъ-называемыя права выкидываются за бортъ, какъ ненужный балластъ.

Иначе оно быть не можетъ. Права человѣка существуютъ лишь постольку, поскольку онъ готовъ защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Если на улицахъ Парижа не сѣкутъ, точно также какъ сѣкли недавно на улицахъ въ Одессѣ, то это потому, что если бы какое нибудь правительство осмѣлилось прибѣгнуть къ этому способу усмиренія, его не стало бы на другой день : народъ разнесъ бы его. Если дворянинъ больше не ходитъ по улицамъ съ лакеями, разгоняющими толпу палочными ударами направо и налѣво — то это потому, что со времени большой революціи народъ не даетъ разгонять себя палками, а напротивъ того исколотилъ бы лакеевъ если бы таковые показались съ палками на улицѣ. Если на западѣ существуетъ нѣкоторое равенство между рабочимъ и хозяиномъ въ ихъ частныхъ сношеніяхъ, внѣ мастерской и на улицѣ, то опять-таки только потому, что предшествовавшія революціи развили въ рабочемъ чувство собственнаго достоинства, а не потому чтобы такія права были вписаны въ законъ.

———

Очевидно, что въ современномъ обществѣ, раздѣленномъ на богатыхъ и бѣдныхъ, на начальство и подчиненныхъ, равенства быть не можетъ. Однако, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ ожиданіи анархической революціи, мы предпочитали, чтобы печать оставалась подъ ярмомъ, чтобы свободы сходокъ не существовало, и чтобы каждый жандармъ могъ хватать прохожаго на улицѣ по подозрѣнію въ государственномъ преступленіи. Какова бы ни была надъ нами сила капитала, мы все-таки хотимъ печатать и писать что мы нахо-

димъ полезнымъ, хотимъ сходиться гдѣ намъ нравится и обсуждать что намъ вздумается — именно для того чтобы стряхнуть съ себя ярмо капитала и государства.

Но мы утвеждаемъ, что не у конституціи слѣдуетъ выпрашивать эти права: ихъ надо брать съ боя. Законъ — не что иное какъ клочекъ бумаги, который всегда можно разорвать, или написать за-ново, а потому онъ и не можетъ обезпечить этихъ совершенно естественныхъ правъ. Только тогда, когда мы, сознавши свою силу, станемъ силою, способною взять эти права — только тогда сможемъ мы заставить ихъ уважать. Даже въ Германіи, какая ни на есть политическая свобода была взята съ боя, послѣ бунта 18 марта въ Берлинѣ и революціи 1848 года въ разныхъ частяхъ страны. А о Франціи и Англіи и говорить нечего. Каждое самомалѣйшее право было завоевано этими двумя народами цѣною крови. И если въ Англіи правительство не рѣшается, за послѣдніе пол-вѣка, нарушать политическія права народа, то происходитъ это главнымъ образомъ потому что очень худо пришлось бы богатымъ людямъ и правительству при малѣйшемъ подобномъ нарушеніи. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Лондонѣ запретили народу собираться въ Хайдъ-Паркѣ, то толпа со свирѣпостью разломала высокую желѣзную рѣшетку парка, и вооружившись полосами желѣза, отчаянно дралась съ полиціею; въ концѣ концовъ она отвоевала свой паркъ. А когда, въ 1886 году голодный народъ вздумали разгонять съ Трафальгаръ-сквэра, то толпа разнесла богатые магазины въ сосѣдней улицѣ, и хотя нѣсколькихъ человѣкъ судили за этотъ погромъ, но правительство (это — фактъ) наведя подъ рукою справки о состояніи умовъ въ бѣдныхъ частяхъ Лондона, рѣшило ограничиться пустѣйшими приговорами. Самое право стачекъ англійскіе рабочіе (которыхъ еще въ 1813 году вѣшали за стачки) завоевали пятидесяти-лѣтнею упорною борьбою, не смотря на жестокія преслѣдованія ихъ, тогда тайныхъ рабочихъ союзовъ. И держится это право тѣмъ страхомъ, который наводятъ рабочіе своими стачками. Всѣмъ извѣстно что въ своихъ стачкахъ, англійскіе рабочіе не останавливаются передъ самыми отчаян-

ными мѣрами, не говоря уже о порчѣ машинъ, явной и тайной, и т. п. Такъ, не далѣе какъ въ прошломъ году, стачечники послали отрядъ своихъ людей взрывать желѣзно-дорожную насыпь, если бы по этой желѣзной дорогѣ тронулся поѣздъ съ рабочими наятыми чтобы заполнить ихъ мѣста.

Не законами, не парламентомъ обезпечена свобода въ Англіи, а всегдашнею готовностью англійскихъ рабочихъ пустить въ дѣло силу.

Если мы хотимъ пользоваться свободою читать и писать то что намъ нравится, собираться гдѣ и какъ намъ нравится и т. д., то не у правительства должны мы выпрашивать эти права: мы сами должны завоевать ихъ, какъ завоевала ихъ, для себя, западно-европейская буржуазія, посылавшая редакторовъ своихъ газетъ цѣлыми дюжинами въ тюрьму, и какъ народъ, цѣною своей крови отвоевавшій тѣ немногія права, которыми онъ теперь пользуется.

Когда мы будемъ силою, сплоченною силою, способною показать зубы при всякомъ стѣсненіи свободы слова и сходокъ, — тогда только мы сможемъ быть увѣрены что никто и не станетъ оспаривать у насъ этихъ правъ. А когда мы сможемъ затѣмъ выступить на улицу, на дорогу, на площадь, въ значительномъ числѣ, тогда мы отвоюемъ себѣ, не только эти права, но и многія другія въ придачу.

Тогда, но только тогда, мы получимъ права, которыхъ намъ во-вѣки не выпросить рабскими просьбами, и самыя эти права, пріобрѣтенныя такимъ образомъ, окажутся несравненно прочнѣе всѣхъ правъ, дарованныхъ на бумагѣ.

Свобода — не имянинный подарокъ. Ее нужно взять, а даромъ она никому не дается.

КЪ МОЛОДЫМЪ ЛЮДЯМЪ

Мы намѣрены поговорить теперь съ молодыми людьми. Пусть люди старые — старые сердцемъ — лучше закроютъ книгу, не трудясь надъ чтеніемъ : имъ оно ничего не скажетъ.

Положимъ что вы подходите къ двадцати годамъ. Вы кончили ученье и скоро вступите въ жизнь. Вашъ умъ, надо думать, свободенъ отъ предразсудковъ, которыми старались его наполнить : чорта вы не боитесь, и вы не ходите слушать молитвы и проповѣди въ церквахъ. Что еще важнѣе — вы не принадлежите къ числу тѣхъ жалкихъ дѣтей разлагающагося вѣка, которые, разодѣвшись по послѣдней модѣ, слоняются безъ дѣла и уже съ юныхъ лѣтъ мечтаютъ лишь о томъ, какъ бы насладиться жизнью во что бы то ни стало. . . . Предположимъ что сердце у васъ есть, и что бьется оно во имя чего-то лучшаго.

И вотъ передъ вами настоятельно выступаетъ вопросъ : — „Что дѣлать ?“ Онъ носится передъ вами, онъ мучитъ васъ. Какъ человѣкъ молодой, вы дѣйствительно чувствуете что разъ вы научились ремеслу или наукамъ — конечно, на счетъ народа — то вамъ слѣдуетъ воспользоваться вашими знаніями, не для того чтобы жить чужимъ трудомъ. а для того чтобы самому быть въ чемъ-нибудь полезнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, надо

быть очень развращеннымъ, чтобы не стремиться, даже въ эти года, принести посильную пользу своими знаніями, умомъ, или энергіею, въ дѣлѣ освобожденія народа, прозябающаго въ нищетѣ и невѣжествѣ.

Вы мечтаете объ этомъ,—не такъ-ли? Посмотримъ же, что дѣлать, дабы ваши мечты перешли въ дѣйствительность.

Я не знаю, въ какихъ условіяхъ вы родились. Быть можетъ, вамъ улыбнулась судьба, и вамъ удалось запастись серьезными знаніями: предъ вами поприще доктора, литератора, или ученаго — широкое поприще, на которомъ требуется много силъ, и вы чувствуете въ себѣ эти силы. Или, быть можетъ, вы хорошій ремесленникъ; многаго узнать вамъ въ наукахъ не удалось, но за то пришлось близко познакомиться съ тяжелою трудовою жизнью рабочаго.

Начнемъ, хоть съ перваго предположенія, а потомъ вернемся ко второму. Допустимъ, что вамъ предстоитъ сдѣлаться — ну, хоть докторомъ.

Завтра-же, человѣкъ бѣдно-одѣтый позоветъ васъ къ больной. Онъ проведетъ васъ по грязнымъ, закопченымъ проулкамъ. При свѣтѣ тусклой лампы вы подниметесь два, три, четыре этажа, по лѣстницѣ покрытой скользкой грязью, и въ холодной, темной конурѣ вы найдете больную, на грудѣ грязнаго тряпья, покрытую грязнымъ тряпьемъ. Блѣдныя, изможденныя дѣти, едва прикрытыя отрепьями, испуганно глядятъ на васъ. Мужъ скажетъ вамъ что онъ работалъ всю свою жизнь по тринадцати и по четырнадцати часовъ въ сутки, но что теперь, вотъ уже четыре мѣсяца какъ онъ остался безъ работы. Въ его ремеслѣ это не рѣдкость; каждый годъ бываетъ три-четыре мѣсяца застоя. Но прежде, когда его работа останавливалась, жена хоть что-нибудь прирабатывала: она стирала — можетъ быть, ваши же рубашки — и приносила въ домъ копѣекъ по тридцати въ день. Но вотъ она уже два мѣсяцъ не встаетъ, и нищета свила свое гнѣздо въ семьѣ.

Чтоже вы пропишете больной, мой докторъ, — вы,

который сразу поняли что микстурами тутъ не поможешь, что причина болѣзни — общее малокровіе, отсутствіе воздуха и пищи? — Хорошій кусокъ жаренаго мяса по утрамъ, прогулку на свѣжемъ воздухѣ, сухую, хорошо провѣтренную квартиру? Какая злая насмѣшка! Неужели больная сама, не дожидаясь вашихъ совѣтовъ, не стала бы ѣсть, если бы было что ѣсть!

Если вы человѣкъ сердечный и ваша простая, честная рѣчь понравится простымъ людямъ, то многое еще вы узнаете отъ нихъ. Вамъ скажутъ что за перегородкою лежитъ гладильщица: это ея надрывающій душу кашель вы теперь слышите; въ нижнемъ этажѣ всѣ дѣти лежатъ больные какою-то лихорадкою; а въ подвальномъ этажѣ прачка тоже не дотянетъ до весны; а въ сосѣднемъ домѣ — и того хуже.

Чтоже вы посовѣтуете всѣмъ этимъ больнымъ? Въ головѣ у васъ вертятся слова: „перемѣна климата, поменьше изнурительной работы“, но языкъ отказывается ихъ выговорить и вы выходите съ разбитымъ сердцемъ, съ проклятіемъ въ душѣ.

Завтра, вы еще думаете объ вашихъ печальныхъ паціентахъ, какъ вашъ пріятель-карьеристъ разсказываетъ вамъ, что за нимъ пріѣзжалъ лакей изъ богатаго дома. Его тоже звали къ женщинѣ, живущей въ прекрасной квартирѣ, изнуренной ночами, проведенными на балахъ, которой жизнь проходитъ въ заботахъ о туалетѣ, въ визитахъ и въ ссорахъ съ мужемъ-ворчуномъ. Вашъ товарищъ посовѣтовалъ ей болѣе осмысленную жизнь, поменьше горячительной пищи, побольше спокойствія, путешествіе за границу; онъ не забылъ и комнатную гимнастику, чтобы замѣнить хоть сколько-нибудь ручной трудъ!

Одна умираетъ оттого что во всю свою жизнь никогда не ѣла до-сыта и не знала отдыха, а другая вянетъ, потому что всю свою жизнь не знала что такое трудъ....

Если вы принадлежите къ числу тѣхъ рыхлыхъ натуръ, которыя при видѣ самыхъ ужасныхъ безобразій облегчаютъ себя болтовнею за кружкой пива, то понемногу вы привыкнете къ этимъ противорѣчіямъ и, съ помощью плотоядныхъ инстинктовъ, вы понемногу перей-

дете въ ряды карьеристовъ, чтобы избавиться отъ самаго вида нищеты.

Но если вы настоящій „человѣкъ", если ваше чувство привыкло всегда выражаться соотвѣтствующими поступками, если животная натура не убила въ васъ думающаго человѣка, — тогда вы въ одинъ прекрасный день скажете себѣ : — „Нѣтъ, это «подло и преступно», дольше такъ тянуть невозможно. Нечего лѣчить болѣзни, ихъ надо предупреждать. Самое ничтожное улучшеніе благосостоянія и умственнаго развитія народа уже сократило бы болѣзни на половину. Къ чорту лекарства ! Свѣта, воздуха, пищи, по меньше изнуряющаго труда, — вотъ съ чего нужно начать. Безъ этого, ремесло доктора глупѣйшее шарлатанство и обманъ !"

Въ этотъ день вы поймете что такое соціализмъ. Вы захотите глубже вникнуть въ его ученія, и если любовь къ человѣчеству, для васъ, не пустое слово, и если вы внесете въ изученіе соціальнаго вопроса тѣже строгіе методы индукціи, къ которымъ вы привыкли въ наукѣ, то вы непремѣнно окажетесь въ нашихъ рядахъ. Вы будете работать вмѣстѣ съ нами, для соціальнаго переворота.

Но быть можетъ, отказавшись отъ лекарской практики, вы захотите искать въ наукѣ тѣхъ высокихъ утѣшеній, которыя даетъ изученіе тайнъ природы и умственный трудъ. Наравнѣ съ астрономомъ, физикомъ, химикомъ, вы отдадитесь чистой наукѣ. Но ради чего вы это сдѣлаете ? — Ради самихъ наслажденій которыя даетъ наука ? Въ такомъ случаѣ, чѣмъ же вы, ученый, предающійся наукѣ ради доставляемыхъ ею удовольствій, отличаетесь отъ пьяницы, который тоже ищетъ удовольствій и находитъ ихъ въ винѣ ? Ученый конечно лучше выбралъ источникъ своихъ наслажденій, такъ какъ его наслажденія и сильнѣе и прочнѣе. Но вѣдь въ этомъ вся разница ! И пьяница, и ученый, оба преслѣдуютъ свое личное удовольствіе, у обоихъ одна и та же эгоистическая цѣль.

Но нѣтъ — такой эгоистической жизни вы не захотите. Работая для науки, вы будете имѣть въ виду человѣчество, и мысль о человѣчествѣ будетъ руководить вами въ выборѣ вашихъ занятій.

Чудное заблужденіе! И кто-же изъ насъ не заплатилъ ему дани, когда впервые отдавался наукѣ!

Но въ такомъ случаѣ, если вы дѣйствительно думаете о человѣчествѣ, предъ вами немедленно возстанетъ жестокое сомнѣніе. Если только вашъ умъ привыкъ разсуждать послѣдовательно, безъ хитрости, безъ самообмана, вы сейчасъ-же замѣтите что въ современномъ обществѣ, наука есть предметъ роскоши, — чудной роскоши, скрашивающей жизнь для немногихъ, но совершенно недоступной для громаднаго большинства людей.

Дѣйствительно, вотъ уже болѣе вѣка какъ наука установила основы здравыхъ понятій о происхожденіи міра. Но — много-ли на свѣтѣ людей, раздѣляющихъ эти понятія и одаренныхъ умомъ достаточно научнымъ для воспринятія ихъ. Ихъ всего нѣсколько тысячъ, затерянныхъ среди милліоновъ другихъ людей, живущихъ подъ страхомъ самыхъ грубыхъ суевѣрій и предразсудковъ, и потому самому неизбѣжно подчиняющихся всевозможнымъ религіознымъ обманщикамъ.

Или — бросьте взглядъ на то что сдѣлано въ области науки о здоровьѣ, тѣлесномъ и нравственномъ. Эта наука перечислитъ вамъ все что нужно для сохраненія здоровья нашего тѣла; она назоветъ все что необходимо чтобы города не были гнѣздами всякихъ заразныхъ болѣзней; она укажетъ вамъ истинные пути къ здоровью умственному и душевному. Но вся эта громадная работа, не остается-ли она мертвою буквою въ нашихъ книгахъ? Да и можетъ ли оно быть иначе когда науки остаются достояніемъ ничтожной частички привилегированныхъ сословій, когда неравенство состояній дѣлитъ общество на два класса — людей живущихъ ничтожнымъ заработкомъ и людей живущихъ ихъ работою — изъ чего выходитъ что для девяти-десятыхъ людей всѣ совѣты науки пропадаютъ даромъ.

———

Много можно бы привести другихъ подходящихъ примѣровъ. Но не будемъ распространяться. Выйдите вы только изъ вашей Фаустовской студіи, куда и свѣтъ-то не проникаетъ на книги иначе какъ черезъ запыленныя рѣшетчатыя окна, оглянитесь сами вокругъ себя, и на каждомъ шагу вы сами найдете подтвержденіе сказаннаго.

Не въ научныхъ истинахъ и открытіяхъ чувствуется теперь недостатокъ; въ настоящую минуту требуется, прежде всего, распространить добытыя уже истины, провести ихъ въ жизнь, сдѣлать ихъ всеобщимъ достояніемъ. Нужно добиться чтобы все человѣчество способно было ихъ усвоить и прилагать ихъ къ дѣлу: чтобы наука перестала быть предметомъ роскоши и чтобы знаніе стало основою жизни. Этого требуетъ простая справедливость.

Того же требуетъ и сама наука. Истинное движеніе впредъ возможно въ наукѣ только тогда, когда умы способны къ воспріятію вновь открываемыхъ истинъ. Механическая теорія теплоты, изложенная еще въ прошломъ вѣкѣ, почти въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ въ какихъ выразили ее наши современники Гирнъ и Клаузіусъ, оставалась въ продолженіи восьмидесяти лѣтъ зарытою въ ученыхъ запискахъ Академій, до тѣхъ поръ пока физическія знанія и способы мышленія свойственные физикѣ не распространились въ обществѣ, и не создалась среда, способная воспріять эти открытія. Точно также потребовалось цѣлыхъ три поколѣніи, прежде чѣмъ взгляды Эразма Дарвина на измѣнчивость видовъ животныхъ и растеній, были приняты изъ устъ его внука; да и то пришлось обществу оказать нѣкоторое давленіе на господъ академиковъ. Ученый, точно также какъ и художникъ, всегда бываетъ плодомъ того общества, въ которомъ онъ выросъ и которое онъ поучаетъ.

Но если вы проникнетесь этими взглядами, вы поймете что прежде всего нужно добиться въ обществѣ глубокаго преобразованія; нужно прежде всего измѣнить теперешніе порядки, благодаря которымъ ученый стоитъ

одиноко со своими познаніями, тогда какъ кругомъ его люди живутъ, почти всѣ, въ томъ же состояніи что и за пятьсотъ, или тысячу лѣтъ тому назадъ, т. е. въ состояніи рабовъ, неспособныхъ усвоить себѣ даже установленныя научныя истины. И когда вы придете къ этому взгляду, — дѣйствительно человѣчному, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко научному, — вы сразу потеряете всякій вкусъ къ отвлеченной наукѣ. Вы станете думать о томъ, какъ произвести нужное преобразованіе; и если вы въ этой области не откажетесь отъ неподкупныхъ методовъ научнаго исканія истины, вы неизбѣжно вынуждены будете стать за одно съ соціалистами. Отказавшись отъ всякихъ софизмовъ, вы вступите въ наши ряды. Не желая болѣе работать надъ исканіемъ все высшихъ и высшихъ источниковъ наслажденія для тѣхъ, кто уже завладѣлъ львиною долею наслажденій, вы отдадите свои знанія и свое научное мышленіе прямому служенію народу.

И будьте увѣрены, что сознаніе исполненнаго долга и чувство согласія между вашими мыслями и поступками дадутъ вамъ такія силы, которыхъ вы въ себѣ и не подозрѣвали. А въ тотъ день, — этотъ день не далекъ, что бы тамъ ни говорили ваши профессора — въ тотъ день, когда преобразованія, которымъ вы отдали свои силы, совершатся, тогда наука найдетъ, въ ученыхъ трудахъ, ведущихся сообща, при помощи цѣлаго легіона новыхъ помощниковъ изъ рабочей среды, такую мощную силу, она возметъ такой могучій полетъ что всѣ ея нынѣшніе успѣхи покажутся простыми ученическими упражненіями.

Тогда вволю наслаждайтесь наукою: это наслажденіе будетъ доступно всѣмъ!

II

Если вы кончаете курсъ юридическихъ наукъ, то очень можетъ быть, что и вы тоже лелѣете несбыточныя мечты насчетъ вашей будущей дѣятельности — вѣдь мы допустили, что альтруизмъ вамъ не чуждъ. Вы, можетъ быть, мечтаете посвятить свою жизнь безпощадной борьбѣ противъ насилія и неправды, работать для торжества закона, который служитъ выраженіемъ высшей справедливости. — „Гдѣ же найти“, думаете вы, „лучшее поприще“, и вы вступаете въ жизнь съ полною вѣрою въ самого себя и въ избранную вами дѣятельность.

Раскроемъ-же наудачу судебную хронику и посмотримъ что васъ ждетъ.

Вотъ богатый помѣщикъ ; онъ требуетъ, чтобы съ его земли согнали крестьянина, который не платитъ условленнаго оброка за землю. Съ точки зрѣнія закона, никакого сомнѣнія быть не можетъ : такъ какъ крестьянинъ не платитъ, ему слѣдуетъ уходить съ земли. Но если вглядѣться въ дѣло, то оказывается слѣдующее : помѣщикъ за всю свою жизнь только и зналъ, что проживалъ въ попойкахъ доходы съ имѣнія, тогда какъ крестьянинъ вѣчно работалъ и вѣчно не доѣдалъ. Помѣщикъ палецъ о палецъ не ударилъ, чтобы увеличить производительность земли, а между тѣмъ ея доходность все-таки утроилась за послѣднія пятьнадцать лѣтъ, благодаря прибавочной стоимости, приданной землѣ новою желѣзною дорогою, новыми сельскими дорогами, осушкою болотъ въ округѣ, распашкою непаханныхъ раньше земель и расширеніемъ сосѣдняго города. Крестьянинъ-же, который сильно потрудился надъ этимъ самымъ увеличеніемъ цѣнности земли, разорился : послѣ неурожайнаго года онъ попалъ въ лапы ростовщикамъ, онъ влѣзъ въ долги и платить оброка не въ состояніи. Законъ всегда стоитъ на сторонѣ владѣльца и въ данномъ случаѣ формально говоритъ въ пользу помѣщика. Но вы, если юридическія фикціи не убили въ васъ чувства справедливости, — что станете вы дѣлать ? Будете ли вы требовать, чтобы крестьянскій скарбъ былъ выброшенъ на улицу — такъ слѣ-

дуетъ по закону; или же вы потребуете чтобы землевладѣлецъ вернулъ всю ту часть прибавочной стоимости, которая была придана землѣ трудомъ мужика ? — такъ слѣдовало бы по справедливости. — На чью сторону станете вы ? на сторону закона, противъ справедливости ? или на сторону справедливости и, стало быть, противъ закона ?

А если рабочіе сдѣлали забастовку, не предупредивши хозяина за двѣ недѣли, — за кого будете вы стоять ? За законъ, т. е. за фабриканта, который, пользуясь кризисомъ, наживалъ шальные барыши (вспомните только отчеты о послѣднихъ стачкахъ) или-же вы подниметесь противъ закона и станете на сторону рабочихъ, которые зарабатывали какихъ-нибудь тридцать копѣекъ въ день и жили впроголодь ? Захотите-ли вы отстаивать это обманное предположеніе, — эту фикцію о яко-бы „свободномъ договорѣ“ ? Или же, держась простой справедливости, вы скажете что договоръ, заключенный между сытымъ и голоднымъ, между сильнымъ и слабымъ, вовсе не договоръ, а принужденіе, и возстанете противъ закона, убѣдившись что онъ и тутъ, какъ вездѣ, оказывается въ разладѣ со справедливостью ?

Или, наконецъ, вотъ фактъ, случившійся на дняхъ. Человѣкъ бродилъ возлѣ мясной лавки. Онъ схватилъ кусокъ мяса и пустился бѣжать. Его заарестовали, стали распрашивать и оказалось что онъ рабочій безъ работы, что и онъ и его семья сидятъ голодные. Собравшаяся кругомъ толпа упрашивала мясника отпустить этого человѣка, но мясникъ стоялъ за „торжество закона“ ! Укравшаго поволокли въ судъ, и судья приговорилъ его къ шести мѣсяцамъ тюрьмы. Того требовала слѣпая Ѳемида ! — И ваша совѣсть не возмутится противъ закона, противъ всего общества, видя, что подобные приговоры произносятся каждодневно !

Или еще, — неужели вы станете требовать приложенія закона къ этому „убійцѣ“, котораго съ самаго ранняго дѣтства тѣснили, били, обижали, который выросъ, никогда не видавъ ничьей ласки, и кончилъ тѣмъ, что убилъ сосѣда, чтобы украсть у него пять рублей ? Неужели вы

станете требовать чтобы его казнили, или — что нисколько не лучше — чтобы его заперли на всегда въ каторжную тюрьму, тогда какъ вы знаете, что онъ скорѣе больной, чѣмъ преступникъ, и что во всякомъ случаѣ его преступленіе падаетъ на все общество, а не на него самого!

Станете-ли вы также требовать, чтобы заперли въ тюрьму этихъ ткачей за то, что въ минуту отчаянія они подожгли фабрику? Чтобы сослали на каторгу революціонера, стрѣлявшаго по коронованному убійцѣ? Чтобы войска стрѣляли въ народъ, когда онъ поднимаетъ на барикадахъ знамя будущей жизни?

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Если вы разсуждаете, а не просто повторяете то, чему васъ учили; если вы вдумаетесь въ факты и отдѣлите законъ отъ фикцій, нагроможденныхъ законниками, чтобы скрыть его зарожденіе изъ права сильнаго и его сущность — т. е. сохраненіе всѣхъ несправедливостей, унаслѣдованныхъ человѣчествомъ изъ его тяжелой, кровавой исторіи — вы неизбѣжно проникнетесь глубочайшимъ презрѣніемъ къ этому закону. Вы поймете, что оставаться служителемъ писаннаго закона, значитъ жить въ разладѣ съ закономъ справедливости и вѣчно искать сдѣлокъ съ вашей совѣстью; а такъ какъ подобная борьба не можетъ долго длиться въ человѣкѣ, то — или вы заглушите свою совѣсть, или же вы должны будете порвать съ преданіями старины; вы вступите въ наши ряды и съ нами будете бороться противъ всѣхъ несправедливостей: экономическихъ, политическихъ, общественныхъ.

Но тогда вы станете соціалистомъ, вы станете революціонеромъ.

——

А вы, молодой инженеръ или механикъ, мечтающій улучшить судьбу рабочихъ путемъ приложенія науки къ промышленности — сколько разочарованій васъ ждетъ! Вы отдаете, напримѣръ, свои молодыя силы на разработку проекта желѣзной дороги, которая, пробивая гранитныя глыбы и извиваясь по стѣнамъ ущелій, должна наконецъ соединить два народа, разъединенныхъ природою. Такова,

по крайней мѣрѣ, ваша мечта. Но, едва только начнутся работы, какъ вы увидите въ темныхъ тунеляхъ цѣлыя толпы рабочихъ, умирающихъ отъ изнуренія и всевозможныхъ болѣзней, тогда какъ другія, отработавшіяся толпы возвращаются по домамъ, съ грошами въ карманѣ и съ задатками чахотки въ груди; вы увидите груды труповъ, нагроможденныхъ ничѣмъ инымъ, какъ безобразною скупостью предпринимателей; а когда дорога будетъ готова, то вы съ ужасомъ убѣдитесь, что послужитъ она, либо для окончательнаго разоренія цѣлой области крестьянъ, либо для вторженія непріятельскихъ пушекъ.

А не то вы, можетъ быть, отдаете свою молодость на изобрѣтеніе, которое, по вашему мнѣнію, со временемъ облегчитъ человѣку производство необходимыхъ ему вещей — и, послѣ многихъ и многихъ безсонныхъ ночей, волненій и надеждъ, вы наконецъ достигаете своей цѣли. Ваше изобрѣтеніе доведено до совершенства! И вотъ его прилагаютъ къ промышленности — и результаты даже превосходятъ всѣ ваши мечты! Десять, двадцать тысячъ рабочихъ сразу выброшено изъ фабрикъ на улицу. Остались на фабрикѣ старики да дѣти — и дѣтей самихъ обратили въ машины, — и тысячи семей остаются безъ куска хлѣба, тогда какъ три, четыре фабриканта наживаются, и вино льется рѣкою на ихъ пирахъ.... Этого, что-ли, вы добивались?

Тогда вы, можетъ быть, возьметесь за изученіе исторіи современной промышленности и вы узнаете, какъ мало машины, при теперешнихъ порядкахъ, улучшаютъ положеніе рабочаго. Вы увидите, что швея такъ-таки ничего не выиграла отъ изобрѣтенія швейной машины: та-же безпощадная работа, та-же забота о кускѣ хлѣба; и, не смотря на всѣ совершенства механическихъ сверлъ съ алмазными коронками, употребляемыхъ теперь при пробивкѣ тунелей, рабочіе хуже прежняго мрутъ отъ „тунельной болѣзни“, анкилозита, а каменьщики и чернорабочіе сидятъ безъ работы о-бокъ съ подъемными машинами Жирара, и т. д., и т. д. И если вы приметесь обсуждать общественные вопросы съ тою же независимостью мысли, съ какою вы работали въ инженерномъ дѣлѣ, вы сразу поймете что при существованіи частной собственности и

наемнаго труда, всякое новое изобрѣтеніе, — если даже оно улучшаетъ немного судьбу рабочаго вообще, — непремѣнно сопровождается бездною человѣческихъ страданій для отдѣльныхъ группъ людей и націй ; что оно неизбѣжно ведетъ къ увеличенію чисто машинальнаго труда въ ущербъ ремесленному, и роковымъ образомъ приводитъ къ учащенію и къ обострѣнію промышленныхъ кризисовъ, дѣлая ихъ все болѣе и болѣе ужасными для громадной массы рабочихъ. Главную же пользу отъ новыхъ открытій получаетъ, при теперешнемъ устройствѣ, тотъ, кто уже пользуется львиною долею наслажденій въ жизни.

Что-же станете вы дѣлать, разъ вы дойдете до такого заключенія ? — Одно изъ двухъ : или вы начнете заглушать голосъ совѣсти разными софизмами и, мало по малу упразднивши честныя грезы молодости, станете искать себѣ выгоднаго „положенія“ и запишетесь въ ряды болѣе или менѣе откровенныхъ эксплуататоровъ. Или же — если въ васъ есть честная и сильная воля, — вы себѣ скажете : „Не время теперь заниматься изобрѣтеніями. Прежде всего надо измѣнить систему труда и производства. Когда личной собственности болѣе не будетъ, тогда всякій новый успѣхъ въ промышленности будетъ на пользу всего человѣчества. Тогда вся эта масса рабочихъ, нынѣ обращенныхъ въ машины, станетъ массою мыслящихъ и знающихъ людей ; тогда изобрѣтательности, подкрѣпленной научнымъ знаніемъ и изощренной ручнымъ трудомъ, будетъ полный просторъ — и при новыхъ условіяхъ жизни, техника станетъ развиваться такъ быстро, что въ какихъ ни-будь пятьдесятъ лѣтъ осуществится все то, о чемъ мы теперь и мечтать не смѣемъ.“

Что же сказать вамъ, школьному учителю ? — не тому, конечно, изъ васъ, кто смотритъ на свою профессію, какъ на мучительнѣйшее ремесло, а тому, который вѣритъ въ школу, чувствуетъ себя счастливымъ среди ребятъ и, глядя на ихъ веселыя лица, надѣется пробудить въ молодыхъ головкахъ общечеловѣ-

ческія мысли, носившіяся въ его собственной головѣ въ молодые годы.

Нерѣдко я подмѣчаю грусть на вашемъ лицѣ и угадываю, что хмуритъ ваши брови. Сегодня еще, вашъ любимый ученикъ, — правда, плохой въ латынѣ, но „живая душа“ тѣмъ не менѣе — съ блескомъ въ глазахъ разсказывалъ вамъ сказаніе о Вильгельмѣ Теллѣ, убившемъ тирана и поднявшемъ знамя возстанія въ Швейцаріи. Его глаза блестѣли; онъ, казалось, готовъ былъ самъ поразить всѣхъ тирановъ; и онъ одушевленно повторялъ стихи Шиллера:

Не бойся раба, разбивающаго свою цѣпь,
Не бойся свободнаго человѣка.

Но — едва онъ вернулся домой, какъ отецъ и мать стали сильно бранить его за то, что онъ не поклонился, какъ должно, священнику и не замѣтилъ урядника, и цѣлый часъ читали они ему наставленія насчетъ „осторожности, терпѣнія и повиновенія“, такъ что онъ отложилъ въ сторону Шиллера и погрузился въ чтеніе „Искусства прохожденія жизненнаго пути“.

А вчера вамъ разсказывали, что вышло изъ вашихъ лучшихъ учениковъ. Всѣ они свернули на иную дорогу. Одинъ бредитъ эполетами; другой, за одно съ хозяиномъ, обворовываетъ рабочихъ; третій хлопочетъ попасть на теплое мѣстечко; и вы, положивши столько надеждъ на своихъ любимцевъ, теперь съ грустью размышляете о разладѣ между жизнью и добрыми намѣреніями.

Да, покуда вы еще размышляете на такія темы; но сдается мнѣ, что года черезъ два, три, вдоволь натерпѣвшись всякихъ разочарованій, вы отложите въ сторону своихъ любимыхъ авторовъ и начнете утверждать, что Вильгельмъ Телль, конечно, былъ чадолюбивый отецъ, боявшійся поранить своего сына стрѣлою, но что всетаки онъ черезъ-чуръ погорячился; что поэзію очень пріятно почитать у комелька, особенно послѣ того какъ цѣлый день преподавалъ правила сложныхъ процентовъ, но что все-таки господа поэты носятся въ облакахъ, и что ихъ стихи никакъ не подходятъ ни къ обыденной жизни, ни

къ предстоящей ревизіи школъ господиномъ Инспекторомъ.... И вашъ Шиллеръ и Некрасовъ начнутъ покрываться паутиною на полкѣ.

Или-же—пусть лучше такъ будетъ — мечты молодости станутъ въ васъ убѣжденіемъ взрослаго человѣка. Вы захотите, чтобы всѣмъ, безъ исключенія, возможно было получать широкое, обще-человѣческое воспитаніе, и въ школѣ, и внѣ школы; и, убѣдившись въ невозможности такого воспитанія при теперешнихъ условіяхъ, вы станете разбирать самую суть теперешняго буржуазнаго общества.

Тогда, васъ уволятъ, по всей вѣроятности, безъ прошенія; вы оставите школу и придете къ намъ, чтобы вмѣстѣ съ нами говорить взрослымъ людямъ о всѣхъ высокихъ наслажденіяхъ научнаго знанія, о томъ чѣмъ человѣчество можетъ стать и должно стать — куда оно идетъ и что мѣшаетъ ему завоевать свободу, благосостояніе и счастье. Вы станете тогда въ ряды соціалистовъ и вмѣстѣ съ нами будете работать надъ полною перестройкою теперешняго общества въ смыслѣ равенства, свободы и братства, — надъ полнымъ разрушеніемъ гнили и плѣсени, разъѣдающихъ лучшія стороны человѣка, гложущихъ лучшія струны его сердца.

———

И наконецъ вы, молодой художникъ, скульпторъ, живописецъ, поэтъ или музыкантъ, — не замѣчаете ли вы, что вамъ и вашимъ сверстникамъ не хватаетъ того вдохновенія, которое руководило стихомъ, кистью и рѣзцомъ великихъ мастеровъ прошлаго? Не находите ли вы, что исскуство испошлилось, что вездѣ царитъ блаженная посредственность, и что она губитъ всякое дарованіе?

Но какже и быть иначе?

То глубокое счастье, которое испытывали художники временъ Возрожденія, когда они открыли сокровища древняго міра и сами освѣжились возвратомъ къ природѣ — этого счастья нѣтъ для современнаго исскуства! Новая же идея, способная произвести тѣ же чудеса — идея революціоннаго пробужденія міра — еще не вдохновила художника. А потому, безъ идеи, безъ великихъ побужденій,

художество ищетъ себѣ побужденія и идеи въ такъ-называемомъ реализмѣ и трудится въ потѣ лица надъ воспроизведеніемъ капли росы на листкѣ или мускуловъ коровы, или же копошится надъ мелочнымъ расписываніемъ, стихами и прозой, удушливой грязи помойной ямы или спальни гулящей женщины.

— Но разъ оно такъ, что же дѣлать? спросите вы.

Отвѣтъ нашъ простъ. Если вашъ „священный“ огонь ничто иное, какъ коптящій ночникъ, то, конечно, продолжайте то, что вы дѣлали раньше, и понемножку ваше исскуство снизойдетъ до расписыванія стѣнъ въ домѣ богатаго купчины, до писанія стишковъ для оперетокъ или до фельетоновъ извѣстнаго борзописца — большинство изъ васъ и безъ того уже идетъ по этой дорогѣ.

Но если ваше сердце дѣйствительно бьется за одно съ сердцемъ всего человѣчества; если вы, какъ истинный поэтъ и художникъ, способны подслушать и уловить истинную *жизнь*, — тогда, въ виду этого моря страданій, поднимающихся вокругъ васъ посреди народовъ, мрущихъ съ голода, при видѣ труповъ, нагроможденныхъ въ угольныхъ копяхъ и обезображенныхъ у подножія баррикадъ, при вопляхъ „несчастныхъ“, гибнущихъ въ снѣгахъ Сибири или на выжженныхъ берегахъ тропическихъ острововъ, — въ виду гигантской борьбы, уже начинающейся повсемѣстно подъ стоны побѣжденныхъ и подъ оргіи побѣдителей, въ виду отчаянной борьбы героизма противъ низости и пошлости — вы не сможете остаться равнодушнымъ.

Вы станете въ ряды униженныхъ и оскорбленныхъ; вы поймете, что все великое и прекрасное, — жизнь, однимъ словомъ, — тамъ, гдѣ борятся за свѣтъ, за счастье, за истину, за человѣчество!

Но вы останавливаете меня. — „Что же дѣлать, наконецъ? Если отвлеченная наука — предметъ роскоши, а прикладная — одно средство эксплуатаціи; если законъ — не болѣе, какъ воплощеніе несправедливости; если медицина — одинъ самообманъ; если школа обречена на

пораженіе въ борьбѣ съ практикою жизни, а исскуство, безъ революціоннаго вдохновенія, обречено на пошлость — то что же остается дѣлать?

— Что остается? — Все! все! Громаднѣйшая работа лежитъ предъ вами, — работа въ высшей степени привлекательная, работа, согласная съ вашей совѣстью и способная увлечь именно лучшихъ людей, самыхъ чистыхъ, самыхъ сильныхъ....

Какая? — Сейчасъ увидите.

III

Либо входить въ безпрерывныя сдѣлки съ совѣстью, пока не скажешь самому себѣ: „Погибай человѣчество! лишь бы мнѣ насладиться прелестями жизни, благо народъ, по глупости, еще терпитъ!“ Либо же стать на сторону соціалистовъ и съ ними работать надъ кореннымъ переустройствомъ старой общественной жизни. Вотъ логическій выводъ, къ которому неизбѣжно придетъ всякій разумный человѣкъ, разъ начнетъ онъ честно размышлять о жизни и съумѣетъ отрѣшиться отъ софизмовъ, подсказываемыхъ буржуазнымъ воспитаніемъ и корыстными воззрѣніями среды.

Но разъ мы дошли до такого вывода, неизбѣжно возникаетъ вопросъ: „Что же дѣлать?“

Отвѣтъ на него очень простъ.

Бросьте среду, въ которой принято утверждать, что народъ безсмысленное стадо, идите къ нему, къ народу, и отвѣтъ явится самъ собой.

Вы увидите, что повсюду, во Франціи, какъ въ Германіи, въ Италіи, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, — вездѣ гдѣ существуютъ угнетенные и угнетатели — среди рабочаго класса происходитъ гигантская работа, направленная на уничтоженіе гнета богатыхъ надъ бѣдными, на закладку основъ новаго общественнаго строя на началахъ

справедливости и равенства. Народъ въ наши дни не довольствуется созиданіемъ душу-надрывающихъ пѣсень, какія пѣлись французскими крѣпостными прошлаго вѣка и поются понынѣ крестьянами славянскими. Съ полнымъ сознаніемъ, и преодолѣвая всѣ препятствія, онъ работаетъ надъ своимъ освобожденіемъ.

Вездѣ народная мысль ищетъ средствъ пересозданія жизни такъ, чтобы она небыла проклятіемъ для трехъ-четвертей человѣчества, а счастьемъ и радостью для всѣхъ. Къ самымъ труднымъ вопросамъ соціологіи (науки объ обществахъ) народъ приступаетъ со своимъ здравымъ смысломъ и старается разрѣшить ихъ, руководясь своимъ тяжелымъ опытомъ и своею наблюдательностью. Чтобы сговориться съ другими, такими же несчастными, онъ старается соединиться, сплотиться. Народъ создаетъ рабочія общества и поддерживаетъ ихъ своими ничтожными взносами ; онъ работаетъ надъ созиданіемъ международнаго братства рабочихъ и, уже конечно больше всякихъ краснобаевъ филантроповъ приближаетъ этими союзами день, когда война между народами станетъ невозможною. Желая знать, что дѣлаютъ его братья по труду, желая ближе познакомиться съ ними, стремясь выработать и распространить идеи освобожденія, онъ поддерживаетъ — и цѣною какихъ лишеній, какихъ усилій! — свои рабочія газеты. И когда, наконецъ, часъ возстанія пробиваетъ, онъ идетъ въ бой за свободу, проливаетъ свою кровь на баррикадахъ и борется за высшіе идеалы, тогда какъ богатые и власть имущіе въ то же самое время стараются поворотить народное движеніе въ свою пользу, и на пролитой народной крови основать свое богатство и власть.

Какой рядъ непрерывныхъ усилій! Какая нескончаемая борьба ! Какой громадный трудъ положенъ въ это рабочее движеніе, гдѣ постоянно приходится пополнять ряды, то растроенные избіеніями, то разрѣженные преслѣдованіями и изнеможеніемъ, гдѣ постоянно приходится начинать работу съизнова, послѣ того, какъ ее внезапно прервутъ поголовныя избіенія.

Рабочія газеты создаются людьми, которымъ пришлось подбирать свои знанія по крохамъ, крадя время на соб-

ственномъ снѣ и отдыхѣ; агитація поддерживается грошами, сбереженными на кускѣ хлѣба — и надо всѣмъ этимъ вѣчно виситъ угроза безысходной нищеты для семьи, лишь только хозяинъ замѣтитъ, что „его“ рабочій занимается соціализмомъ!

Вотъ что увидите вы, если пойдете въ народъ.

———

И, падая подъ тяжестью неравной борьбы, рабочій тщетно себя спрашиваетъ: „Гдѣ же они, эти молодые люди, воспитанные на нашъ трудовой грошъ? Гдѣ тѣ, кого мы кормили и одѣвали, пока они учились? Тѣ, для кого, согнувши спину подъ ярмомъ, мы строили дома, дворцы, университеты, академіи, музеумы? Для кого мы, отощавшіе наборщики, печатали хорошія книги, самое чтеніе которыхъ намъ недоступно? Гдѣ они, эти профессора, увѣряющіе, что они обладаютъ общечеловѣческой наукой, тогда какъ для нихъ любой рѣдкостный червячекъ дороже всего человѣчества? Гдѣ глашатаи свободы, не дающіе себѣ труда защитить нашу ежедневно попираемую свободу? Гдѣ же эти писатели, поэты, художники, со слезами на глазахъ говорящіе о народѣ и никогда не спускающіеся въ нашу среду, дабы помочь намъ въ нашихъ усиліяхъ?“

Одни наслаждаются въ презрѣнномъ равнодушіи; другіе — большинство — презираютъ „толпу“ и готовы съ остервенѣніемъ истреблять народъ, лишь только онъ осмѣлится коснуться до ихъ правъ и богатства....

Время отъ времени въ народную среду заходитъ юноша, мечтающій о баррикадахъ, о революціи и объ ея торжественныхъ минутахъ; но и онъ скоро оставляетъ народное дѣло, какъ только замѣчаетъ, что путь до баррикадъ тяжелъ и дологъ, что работа предстоитъ утомительная, и что на пути къ лавровымъ вѣнкамъ разсѣяно не мало терній. Но чаще всего въ западной Европѣ въ рабочую среду являются лишь люди, потерпѣвшіе неудачу въ попыткахъ пристроиться къ другимъ партіямъ, и старающіеся на рабочихъ плечахъ добиться виднаго положенія, причемъ они-же первые будутъ громить этотъ самый

народъ, едва онъ попытается осуществить на дѣлѣ то, что они проповѣдовали въ теоріи, а не то и пушки направятъ на „невѣжественную подлую толпу“, если она осмѣлится двинуться раньше чѣмъ они, эти вожаки, прикажутъ ей бунтовать.

Прибавьте къ этому безсмысленное, высокомѣрное презрѣніе къ народу — и вы получите все, что даетъ народу современная буржуазная молодежь, вмѣсто помощи въ его общественномъ развитіи.

Какже можно послѣ этого спрашивать: „что дѣлать?“ — когда все предстоитъ сдѣлать, и цѣлыя полчища молодыхъ людей нашли бы приложеніе своихъ силъ, таланта и энергіи, еслъ бы только они захотѣли помочь народу въ начатой имъ перестройкѣ общественнаго быта!

Вы, поклонники чистой науки, если только вы прониклись принципами соціализма, если вы постигли всю важность надвигающейся революціи, развѣ вы сами не понимаете что всю науку слѣдуетъ перестроить сполна, согласно съ новыми принципами? что въ этой области приходится совершить переворотъ несравненно болѣе глубокій, чѣмъ все, что сдѣлала революція въ наукѣ прошлаго столѣтія? Развѣ вамъ не очевидно, что исторія — это собраніе „условныхъ басень“ о величіи королей, историческихъ дѣятелей и выборныхъ собраній — должна быть написана вся вновь въ духѣ *народномъ*, съ точки зрѣнія того, что народныя массы сдѣлали для развитія человѣчества? Развѣ политическая экономія, построенная съ цѣлью оправдать и обосновать наживу народнымъ трудомъ, не должна быть пересоздана вполнѣ и въ своихъ яко-бы законахъ, и въ ихъ безчисленныхъ приложеніяхъ? Развѣ антропологія, соціологія, этика — т. е. науки о человѣкѣ, объ обществахъ и общественной нравственности — и даже естественныя науки не должны подвергнуться полной перестройкѣ, какъ въ ихъ методахъ истолкованія общественныхъ явленій и явленій природы, такъ и въ способахъ ихъ изложенія? Ну, такъ занимайтесь этимъ! Отдайте ваши знанія на служеніе благому дѣлу! Помогите намъ,

наконецъ, вашей точной логикой, разрушать вѣковые предразсудки, и вашимъ синтезомъ — выработкѣ основъ лучшаго общественнаго строя; но въ особенности помогите рабочему придать своимъ разсужденіямъ смѣлость, свойственную истинно-научной мысли, и примѣромъ вашей собственной жизни научите насъ самоотверженію для торжества истины!

Вы, врачъ, тяжелымъ опытомъ понявшій соціализмъ, не переставайте говорить намъ сегодня, завтра, ежедневно и при всякомъ удобномъ случаѣ, что, при современныхъ условіяхъ жизни и труда, человѣчество обречено на вырожденіе; что ваши лекарства останутся безсильными, пока девяносто-девять сотыхъ человѣчества будутъ прозябать въ условіяхъ совершенно противныхъ требованіямъ науки; что слѣдуетъ искоренять источники болѣзней, а не лечить ихъ, и укажите какимъ путемъ ихъ искоренить. Вооружась скальпелемъ, анатомируйте твердой рукой это разлагающееся общество и научите насъ, чѣмъ могла бы и должна бы быть разумная жизнь; какъ настоящій врачъ, повторяйте намъ что нечего задумываться надъ отсѣченіемъ члена, зараженнаго антоновымъ огнемъ, когда онъ начинаетъ заражать весь организмъ.

Вы, работавшіе надъ приложеніемъ науки къ промышленности, разскажите намъ откровенно плоды вашихъ открытій; укажите робкимъ, не рѣшающимся смѣло заглянуть въ будущее, на неизсякаемые источники дальнѣйшихъ изобрѣтеній, уже кроющихся въ современной наукѣ; покажите, чѣмъ могла бы стать промышленность при лучшихъ условіяхъ, и сколько бы могъ производить человѣкъ, если бы его силы шли на усиленіе полезнаго производства, а не растрачивались попусту. Отдайте народу вашу изобрѣтательность, вашъ практическій умъ и ваши способности сплачивать людей, вмѣсто того чтобы служить хищникамъ и тунеядцамъ.

Вы, поэтъ, художникъ, скульпторъ, музыкантъ, если только вы поняли свое истинное призваніе и цѣли самаго искусства, отдайте революціи ваше перо, вашу кисть, вашъ рѣзецъ. Разскажите же намъ своимъ образнымъ языкомъ, своими сильными картинами, великую борьбу народовъ съ ихъ угнетателями; вдохновите молодыя сердца революціоннымъ духомъ, двигавшимъ нашихъ

предковъ на борьбу; объясните женѣ насколько прекрасна дѣятельность ея мужа, жертвующаго собой великому дѣлу общественнаго освобожденія, и двигайте ее на то же дѣло. Покажите народу язвы современной жизни, и пусть каждый рукою коснется самыхъ источниковъ этихъ язвъ; покажите намъ, со всею силою вашего творчества, чѣмъ могла бы быть разумная жизнь, если бы она не сталкивалась съ нелѣпостями и мерзостью современнаго строя.

И, наконецъ, всѣ вы, обладающіе знаніемъ и талантомъ, если въ васъ есть искра мужества, идите вмѣстѣ съ вашими подругами, отдайте свои знанія и талантъ на помощь тѣмъ, кто въ нихъ всего болѣе нуждается. И знайте, — если вы явитесь въ рабочую среду, не господиномъ, а товарищемъ въ борьбѣ, не заправителемъ, а съ желаніемъ самому вдохновиться новой средой, не столько съ цѣлью учить, сколько съ цѣлью самому понять стремленія народа, угадать и выяснить ихъ, а затѣмъ работать неустанно, со всѣмъ пыломъ юности, надъ ихъ проведеніемъ въ жизнь, — знайте, что тогда, но только тогда, вы заживете полною, разумною жизнью. Вы увидите, что каждое ваше усиліе въ этомъ направленіи принесетъ роскошные плоды; — и это чувство согласія и единства вашихъ поступковъ съ завѣтами вашей совѣсти вызовутъ въ васъ силу, которой вы въ себѣ и не подозрѣвали.

Борьба за правду, за справедливость и равенство, среди народа, за одно съ народомъ — что можетъ быть въ жизни прекраснѣе и выше этого?

IV

Три длинныя главы пришлось исписать, чтобы выяснить молодымъ людямъ состоятельныхъ классовъ, какъ сама жизнь съ ея насущными задачами толкаетъ каждаго искренняго и смѣлаго человѣка въ ряды соціалистовъ, на служеніе дѣлу соціальной революціи. А между тѣмъ, истина эта такъ проста! Но, когда обращаешься къ лю-

дямъ буржуазнаго воспитанія, — сколько софизмовъ и предразсудковъ, сколько корыстныхъ оправданій приходится разбивать!

Съ вами, молодые изъ народа, можно быть краткимъ. Сама сила вещей ведетъ васъ къ соціализму, лишь бы были у васъ смѣлость мысли и способность дѣйствовать согласно съ велѣніями разсудка. Дѣйствительно, весь современный соціализмъ вышелъ изъ нѣдръ самого народа. Если нѣсколько мыслителей изъ буржуазіи дали соціализму опору науки и философіи, тѣмъ не менѣе его основныя воззрѣнія вышли изъ работы народнаго ума, изъ рабочихъ массъ. Соціализмъ Международнаго Союза Рабочихъ — этой лучшей силы современной жизни — былъ выработанъ, не учеными, а самими рабочими союзами, подъ непосредственнымъ вліяніемъ народной мысли. И тѣ нѣсколько писателей, которые помогли этой выработкѣ, ничего иного не сдѣлали, какъ только яснѣе высказали, научно подтвердили стремленія, уже проявлявшіяся въ народѣ.

Родиться въ мірѣ труда и не отдаться всей душой соціализму, — значило бы не понимать своихъ собственныхъ выгодъ, отречься отъ своего кровнаго дѣла, отъ своего собственнаго историческаго призванія.

———

Помните ли вы, когда, еще мальчикомъ, вы выбѣгали въ зимній день поиграть въ вашемъ темномъ переулкѣ? Холодъ щипалъ вамъ плечи сквозь легкую одежду, и уличная грязь врывалась въ ваши рваные сапоги. Уже тогда, случайно увидавъ изнѣженныхъ и богато одѣтыхъ дѣтей, свысока глядѣвшихъ на васъ, вы отлично понимали, что эти франтики не стоятъ васъ и вашихъ товарищей ни по способностямъ, ни по уму, ни по силѣ. Но скоро васъ заперли въ грязную мастерскую, и съ пяти часовъ утра вамъ привелось стоять, по двѣнадцати часовъ въ день, около шумливой машины, и, самому обратясь въ машину, изо дня въ день слѣдить за ея ровнымъ движеніемъ; а въ это время, они, — тѣ другія дѣти, — спокойно учились въ школахъ, въ

гимназіяхъ, въ университетахъ. И вотъ теперь они, — менѣе васъ способные, но болѣе образованные — становятся вашими начальниками, вашими хозяевами, и будутъ наслаждаться всѣми удовольствіями жизни и благами цивилизаціи.... а вы ? что ждетъ васъ впереди ?

Вернувшись съ работы, вы входите въ крошечную, сырую коморку, гдѣ пять-шесть человѣкъ жмутся въ темнотѣ ; и ваша усталая отъ жизни и до времени состарѣвшая мать даетъ вамъ на обѣдъ хлѣба съ картошкой да ёще какую нибудь болтушку, насмѣхъ называемую щами. И вмѣсто отдыха и развлеченій, вамъ приходится ломать го лову надъ вѣчнымъ неразрѣшимымъ вопросомъ : чѣмъ платить завтра за квартиру ? на что купить того же хлѣба да картошекъ ? — Неужели же и вамъ вѣчно влачить ту самую жалкую жизнь, что досталась на долю вашему отцу и матери, съ ребячихъ лѣтъ и до могилы ? Всю жизнь работать на кого-то, чтобы ему доставить всякихъ удовольствій, богатства, знаній, наслажденія искуствомъ, а на свою долю — взять вѣчную заботу о кускѣ чернаго хлѣба ? Отказаться навсегда отъ того, чѣмъ жизнь красна, и предоставить все, что въ жизни есть лучшаго, какой-то горсточкѣ, не то праздныхъ, не то ловкихъ проныръ ? Надрываться надъ работой и знать только нужду, а не то и голодъ во время безработицы ? Это, что-ли, цѣль вашей жизни ?

Въ былыя времена, вы вѣрили, когда вамъ говорили что такъ оно и быть должно, что такъ всегда было, и всегда будетъ. Но вѣдь нынче вы этому не вѣрите. Вы понимаете, что все чѣмъ богатые наслаждаются — ихъ дома, мебель, ѣда, роскошная обстановка и все остальное — никѣмъ инымъ не сдѣланы, какъ вашими же крестьянскими да рабочими руками.... За что-же имъ все, а вамъ — сухая корка хлѣба ?

———

Но, быть можетъ, вы смиритесь передъ судьбою. Не видя исхода, вы скажете себѣ : — „Изъ вѣка въ вѣкъ людямъ выпадалъ тотъ же жребій на долю ; и мнѣ, безпомощному, приходится подчиниться ! Такъ буду же ра-

ботать и постараюсь прожить, худо-ли, хорошо-ли, какъ смогу.

Пусть такъ. Но тутъ уже сама жизнь откроетъ вамъ глаза.

Въ одинъ прекрасный день разразится промышленный кризисъ, — застой промышленности — не скоро проходящій, какъ прежде, а кризисъ, убивающій цѣлыя отрасли промышленности и ввергающій въ нищету тысячи семей за разъ. — Вмѣстѣ съ другими, вы будете терпѣть. Но скоро вы замѣтите, что ваша жена и дѣти, ваши друзья, мало по малу изнемогаютъ отъ лишеній, и наконецъ гибнутъ, въ то время какъ жизнь, не заботясь о гибнущихъ, течетъ веселой волной по шумнымъ улицамъ большаго города. Тогда вы поймете, какъ возмутительно это общество. Вы спросите также, откуда берутся эти торговые кризисы ; вы вдумаетесь во всю глубину безобразія этого строя, отдающаго тысячи человѣческихъ существъ въ жертву своеволію, жадности и неумѣлости небольшой кучки заправилъ. Вы поймете тогда, что соціалисты правы, когда говорятъ, что современное общество должно и можетъ быть пересоздано сверху до низу. А не то вашъ хозяинъ вздумаетъ урѣзать нѣсколько грошей изъ вашего скуднаго заработка, чтобы округлить свой капиталецъ. И когда вы заспорите, онъ вамъ грубо отвѣтитъ : „Убирайся на подножный кормъ, если тебѣ это мало“. И вы поймете, что вашъ хозяинъ не только стрижетъ васъ какъ овцу, но что вы для него низшая порода, отребье человѣчества ; ему мало держать васъ въ своихъ когтяхъ, онъ и смотритъ-то на васъ, какъ на своего холопа. Въ такомъ случаѣ, — либо вы согнете спину, откажетесь отъ всякаго чувства человѣческаго достоинства и примиритесь со всякимъ униженіемъ ; или же кровь вамъ бросится въ голову, вамъ стыдно станетъ своей прежней безотвѣтности, и вы дадите такой отвѣтъ, что либо попадете въ тюрьму, либо вышвырнутъ васъ изъ мастерской, и вы скажете, что правы соціалисты, когда говорятъ : „Возставайте ! возставайте противъ денежнаго рабства, такъ какъ въ немъ источникъ всего остальнаго порабощенія “. Тогда вы займете ваше мѣсто среди соціалистовъ и станете работать съ ними надъ

уничтоженіемъ всякаго рабства, — экономическаго, политическаго и общественнаго.

А то услышите вы исторію дѣвушки, нѣкогда вами любимой. Послѣ многолѣтней безплодной борьбы съ нищетою, она бросила деревню и отправилась въ городъ. Она знала, что въ городѣ жизнь тяжелая, но все же она надѣялась честно зарабатывать свой хлѣбъ. Теперь вы знаете ея участь. Обольщенная ухаживаньемъ и красивыми словами молодаго буржуа, она отдалась ему съ пыломъ молодости и черезъ годъ была покинута съ ребенкомъ. Полная мужества, она еще продолжала бороться; но силы ея не выдержали неравной борьбы съ голодомъ, и она умерла въ одномъ изъ госпиталей..... Что вы сдѣлаете тогда? Или вы постараетесь отдѣлаться отъ бередящихъ воспоминаній какою нибудь пошлостью, вродѣ того что не она первая, не она и послѣдняя, и, быть можетъ, вы дойдете до того что станете оскорблять память несчастной женщины въ кругу оскотинѣвшихся товарищей по кабаку. Или же — воспоминанія о ней заставятъ содрогнуться ваше наболѣвшее сердце, и вы станете искать встрѣчи съ тѣмъ кто ее погубилъ.... Тогда вы вѣроятно задумаетесь надъ причинами подобныхъ явленій, повторяющихся ежедневно, и вы поймете что они не прекратятся покуда общество останется раздѣленнымъ на два лагеря: несчастные въ одномъ, а въ другомъ — праздные негодяи. Вы увидите, что настало время бѣднымъ сбросить ярмо, и вы будете въ рядахъ соціалистовъ-бунтовщиковъ.

А вы, женщины изъ народа, развѣ вы можете оставаться равнодушными, слушая эту исторію? Лаская русую головку своего ребенка, не задумаетесь-ли вы тоже, когда нибудь, надъ тѣмъ что его ждетъ, если современный общественный строй останется все тотъ-же? Неужели и вашимъ сыновьямъ влачить все то же жалкое прозябаніе? Неужели и имъ вѣчно биться въ заботѣ о кускѣ хлѣба, вѣчно изнурять себя непосильнымъ трудомъ, не знать въ жизни никакой радости и топить свое горе въ пьяномъ разгулѣ? Неужели вашему мужу и сыновьямъ такъ и

остаться навсегда въ зависимости отъ любаго проходимца, получившаго въ наслѣдство отъ отца капиталъ, — вѣчно быть рабами своихъ хозяевъ, пушечнымъ мясомъ для сильныхъ міра сего, простымъ удобреніемъ для полей богатыхъ ?

— Нѣтъ ! Конечно, нѣтъ ! Сколько разъ жены рабочихъ заставляли своихъ мужей и сыновей продолжать стачку, когда мужчины уже готовы были смириться и принять унизительныя условія, надменно навязанныя имъ толстымъ хозяиномъ ! Сколько разъ испанскія женщины шли первыя въ рядахъ народныхъ возстаній и первыя бросались впередъ на солдатскіе штыки ! И доселѣ рабочія женщины западной Европы и Америки съ благоговѣніемъ повторяютъ имя дѣвушки, которая стрѣляла во всемогущаго тогда Трепова, нанесшаго оскорбленіе въ стѣнахъ тюрьмы заключенному соціалисту. И горячо бьется сердце всякой честной женщины когда она читаетъ, какъ парижскія работницы собирались подъ градомъ ядеръ и бомбъ и двигали своихъ мужей на геройскую защиту Парижской Коммуны....

———

Всякій честный человѣкъ изъ васъ, молодежи, изъ крестьянъ и городскихъ рабочихъ, изъ ученыхъ и неученыхъ, изъ бѣдныхъ и богатыхъ, — если только въ немъ бьется горячее и чуткое сердце, — долженъ понять попранныя права человѣчества, долженъ сознать свои права, и перейти туда, куда его толкаетъ весь современный строй. Онъ вынужденъ стать революціонеромъ, и, сообща съ народомъ, работать для подготовленія революціи, которая, разбивъ цѣпи рабства, порвавъ всѣ традиціи старины и открывая человѣчеству новые горизонты, установитъ, наконецъ, въ человѣческихъ обществахъ истинное равенство, дѣйствительную свободу, трудъ для всѣхъ, и для всѣхъ — полное развитіе ихъ способностей, полное наслажденіе плодами свободнаго труда ; установитъ жизнь разумную, человѣчную и счастливую !

И пусть не говорятъ намъ, что насъ мало, что насъ — лишь горсточка людей, слишкомъ слабая чтобы достигнуть намѣченной нами цѣли.

Сосчитаемъ наши ряды, посмотримъ сколько насъ терпитъ этотъ гнетъ. Крестьянъ, насъ цѣлые милліоны; почти весь русскій народъ живетъ по селамъ и деревнямъ, кормится впроголодь и работаетъ на господъ; фабричныхъ и заводскихъ — многія сотни тысячъ, и всѣ-то прядутъ и ткутъ, куютъ и работаютъ на богачей, а сами ходятъ чуть не въ лохмотьяхъ; солдатъ, опять, цѣлыя сотни тысячъ, и гонятъ ихъ подъ пули и картечь, когда господамъ офицерамъ хочется добывать себѣ чины и ордена, и учатъ ихъ стрѣлять въ своихъ-же братьевъ и сестеръ, отцовъ и матерей, когда они бунтуются противъ богачей-грабителей; а между тѣмъ, повернуть бы имъ штыки на своихъ командировъ, и эта горсточка баричей въ эполетахъ разбѣжалась-бы отъ страха. Посчитаемъ, сколько насъ всѣхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ; намъ нѣтъ числа, и мы можемъ раздавить своихъ утѣснителей однимъ натискомъ. Пусть только народъ пойметъ свою силу, пусть попробуетъ ее — и правда возьметъ верхъ на землѣ.

